

ЖЖВА

ИЛлюстрированный
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 16

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. Н. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 23 апрѣля 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ кн. 4.

Навстрѣчу жизни.

Романъ В. А. Тихонова.

(Окончаніе).

XXXIV.

Часовъ въ девять утра больной проснулся. Онъ открылъ глаза, вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Мнѣ легче!

Людмила уже стояла возлѣ него.

— Да, мой милый, да! Ты выздоравливаешь!—проговорила она, глядя на него радостными глазами.

Больной хотѣлъ-было повернуться и не могъ.

— Но какъ я слабъ!—сказалъ онъ, а потомъ, взглянувъ на Людмилу, добавилъ:—Приложи твою руку къ моимъ губамъ.—И слабо поцѣловалъ руку Людмилы.

А та поцѣловала его въ лобъ.

Вошелъ докторъ Струмиловъ.

— Ну, вотъ, collega, дѣло и на поправку пошло!—весело, но не громко проговорилъ онъ.

— Спасибо, товарищъ!—отвѣтилъ ему Лыкошинъ.

— Ну-съ, Людмила Илларионовна,—обратился Струмиловъ къ Людмилѣ:—извольте-ка теперь идти къ себѣ, да отдохнуть хорошенько. Мы теперь ужъ и безъ васъ справимся. Вотъ, больному надо бѣлье переменить, а главное дѣло, ему теперь покой нуженъ.

Людмила, не протестуя, только тихонько поцѣловавъ исхудавшую, блѣдную руку больного, ушла къ себѣ.

Не раздвѣаясь, прилегла она на кушетку въ своей комнатѣ и почти сразу заснула.

Долго спала Людмила. Здоровый организмъ ея, утомленный многодневными волненіями, требовалъ большого отдыха.

Когда она проснулась, былъ уже девятый часъ вечера. Справившись о больномъ и узнавъ, что все идетъ отлично, она стала переодѣваться. Ей

Домой съ подарками. Картина Э. Лувоя, грав. Фальшеера.

доложили, что сейчас только вернулся Ларіонъ Семеновичъ.

Она пошла къ отцу.

— Ну, какъ болящій?—спросилъ тотъ ее.

— Спасень! А вмѣстѣ съ нимъ, отецъ, спасена и я!

Отецъ расчувствовался и, нѣжно обнявъ, прижалъ ее къ груди.

— Ну, что же, ну, что же! Давай вамъ Богъ! Давай вамъ Богъ!—покорно проговорилъ онъ.

— Ты усталъ, отецъ?

— Нѣтъ, ничего. Я на обратномъ пути, на пароходѣ хорошо выспался. Привычное дѣло, вѣдь, намъ не спать! Вотъ чайку бы теперь напиться—хорошо!

Черезъ полчаса отецъ и дочь вдвоемъ сидѣли на верандѣ за чайнымъ столикомъ.

— А и всѣ-то мои дѣла, всѣ-то мои безпокойства сущими пустяками оказались!—разсказывалъ Ларіонъ Семеновичъ.—Баржа, дѣйствительно, пострадала малость, ну, а зато зерно совсѣмъ высушимъ. Я ужъ тамъ самъ распорядился просушкой. У парохода тоже поврежденіе пустяшное; а про Кузьмичова—чистый вздоръ наврали: не только онъ не запынствовалъ, да не закартежничалъ, а наоборотъ того, мнѣ большое новое дѣло устроилъ, да еще какое дѣло-то! Просто пальчики облизать можно! Правда, съ нужными людьми покутилъ онъ тамъ малость, да, вѣдь, съ нужными людьми! Да изъ-за этого-то мнѣ самое это дѣло и обладилъ! Эхъ, всѣмъ намъ съ нужными людьми кутить приходится! Да! А Кузьмичову я награду выдамъ! Даже хочу ему отъ этого дѣла процентъ отчислить! Молодчина онъ у меня! Ну, а ты какъ тутъ? Рада, поди!

Людмила молча улыбалась.

— По дорогѣ въ монастырѣ молебны заказалъ о здравіи Юрія Андреевича,—не утерпѣлъ, сообщилъ онъ, но сейчасъ же прибавилъ:—ну, да вѣдь вамъ что! Вы, вѣдь, невѣрующіе, поди!

Но Людмила взяла руку отца и горячо поцѣловала.

— Спасибо, папа! Я и сама всю ночь молилась!—сказала она, глядя ему въ глаза.

— О-о? Вотъ это хорошо! Вотъ это похвально, доченька! Бога-то забывать не слѣдуетъ! Безъ Бога, братъ, не до порога! По ученому, можетъ-быть, тамъ такъ и сякъ выходитъ, ну, а только и ученые, которые до большой мудрости дошли, тѣ, небось, тоже къ Богу вернулись. Безъ Бога-то, братъ, и порадоваться нечему: все, вѣдь, красота Божья! Пароходы-то, вотъ, люди сочинили, а Волгу—Господь создалъ, такъ мы, небось, не съ Волги на пароходы любимъ, а съ пароходовъ на Волгу. Такъ ли я говорю?

Людмила ничего не отвѣтила. Лицо ея было серьезно, и она, видимо, что-то обдумывала, словно что-то важное собираясь сказать отцу.

Ларіонъ Семеновичъ замѣтилъ это и тоже замолчалъ.

— Папа!—сказала, наконецъ, она и опять остановилась, какъ бы подбирая слова.—Папа!—начала она снова.—Мы очень богаты?

— Какъ тебѣ сказать? Конечно, это относительно,—нѣсколько заминаясь, проговорилъ Ларіонъ Семеновичъ.—Все, вѣдь, относительно. Смотря съ чѣмъ сравнивать. По здѣшнему мѣсту, конечно, мы очень богаты, ну, а по другимъ мѣстамъ... конечно... можно и богаче быть.

— А зачѣмъ быть еще богаче?—спросила Людмила.

— Какъ тебѣ сказать—зачѣмъ? Богатство, оно силу даетъ, власть. Съ богатствомъ, братъ, все можно сдѣлать!..

— Папа!—перебивая его, продолжала дочь.—Правда, что, несмотря на широкую нашу жизнь, ты не проживаешь и половины своихъ доходовъ?

— Гм!.. И третьей части не проживаемъ!—самодовольно усмѣхаясь, отвѣтилъ Ларіонъ Семеновичъ.

— Ну, а куда же эти остальные двѣ трети дѣваются?

— Куда? Къ капиталу прилагаемъ. Капиталъ увеличивается.

— Итакъ, теперь ты не проживаешь третьей части, потому не будешь проживать и четвертой, потому и восьмой... Ну, а дальше-то что-жъ?

Ларіонъ Семеновичъ замаялся.

— Ну, а... а... дальше, вотъ твои дѣти, мои внуки, будутъ проживать.

— А если и они проживать не стануть?

— Что-жъ, сила расти будетъ!

— Сила чего?

— Сила капитала.

— Но, вѣдь, послушай, отецъ! Капиталъ, безъ чело-вѣка—мертвая вещь!

— Оно конечно!

— Ну, а теперь ты мнѣ вотъ что отвѣть: откуда весь этотъ капиталъ къ намъ пришелъ?

— Отъ трудовъ нашихъ. Дѣдъ твой трудился, я, вотъ, тружусь, ну, вотъ и капиталъ.

— Можно подумать, что вы съ дѣдомъ сами деньги дѣлали.

— Ну, ужъ ты сказала! Не деньги дѣлали, а торговали, наживали!

— Стало-быть, вѣдь, все-таки отъ людей деньги брали?—Извѣстно, что отъ людей! Неклады рыли! Разумѣется!

— Хорошо. Ну, а много ли вы для этихъ людей сами-то сдѣлали?

— Пустое говоришь, Людмила!—перебилъ ее Полтининъ.—Мало ли вокругъ насъ людей кормится.

— Кормится! Только кормится! А мы, вотъ, не кормимся, а ѣдимъ, да еще какъ широко живемъ-то! А, между тѣмъ, и сами мы, и всѣ эти люди, которые вокругъ насъ кормятся,—всѣ мы вмѣстѣ не можемъ и одной трети нашихъ доходовъ проѣсть. Вотъ, вѣдь, какъ они велики-то!

— Постой! Къ чему ты все это говоришь-то?—слегка раздражаясь, спросилъ ее отецъ.

— А вотъ къ чему,—ласково начала опять Людмила.—Вижу я, что недоволенъ, папа, ты моимъ выборомъ. Не спорь! Недоволенъ, вѣдь!

— Что же, кривить душой не стану! Не такого себѣ я зятя ждалъ!—хмуро отвѣтилъ Ларіонъ Семеновичъ.

— А чѣмъ же нехорошъ Юрій Андреевичъ?

— Я и его не хаю, только не пара онъ намъ. Мнѣ надо зятя-помощника, который бы и послѣ моей смерти могъ наше дѣло продолжать...

— Какое дѣло?

— Т. е. какъ «какое дѣло»? Извѣстно—какое! Торговлю нашу!

— Т. е. деньги наживать?—переспросила дочь.—Не довольно ли, отецъ? Не пора ли людямъ и спасибо сказать? Юрій Андреевичъ тоже, вѣдь, не бездѣльникъ, тоже не сложа руки сидитъ. Вспомни-ка ты, какъ когда у васъ здѣсь недородъ да тифъ былъ, вспомни-ка, какъ онъ у васъ въ уѣздѣ работалъ! Всѣ тогда о немъ говорили, даже въ газетахъ печатали. А, вѣдь, съ какими средствами работалъ-то онъ? Съ грошовыми! А дай-ка ты ему хорошія средства въ руки, такъ онъ...

— Да развѣ-жъ это дѣло, что онъ дѣлалъ-то?

— Не дѣло? Такъ что же это такое?—удивленно раскрывая глаза, спросила Людмила.

— Это—благотворительность,—отчеканилъ Ларіонъ Семеновичъ.

Людмила на минуту застыла потомъ вдругъ вскочила съ мѣста, обвила руками голову отца и крѣпко-крѣпко его поцѣловала.

— Папа! Милый! Что ты сказалъ?—заговорила она.—Стало-быть, дѣло только то, что мы дѣлаемъ для себя? А что для людей, такъ, это...

— Благотворительность!—подтвердилъ Ларіонъ Семеновичъ.

Людмила весело засмѣялась.

— Ну, пускай такъ! Пускай такъ! Я согласна съ

тобой: для себя—это дѣло, а для другихъ—благодѣяніе. Такъ теперь самъ подумай—что выше?

— Да! Но безъ средствъ не много наблагодѣтельствуешь!

— Такъ, вѣдь, есть же они! Есть!

— Ну, а ежели изсякнутъ?

— Такъ, вѣдь, и мы же изсякнемъ; и мы—умремъ! А, вѣдь, на нашъ-то вѣкъ хватить и того, что есть!

— Ну, а дѣти останутся?

— Ну, пускай сами и дѣло, и благодѣянія дѣлаютъ! Нѣтъ, отецъ, чѣмъ мы больше добра сдѣлаемъ, тѣмъ легче нашимъ дѣтямъ жить будетъ. Вѣдь, вотъ ты и въ Бога вѣруешь, и Писаніе даже хорошо знаешь, и жертвователъ ты широкій, а на всякое дѣло, которое доходу не приноситъ, чуть не со страхомъ смотришь.

— Бездоходное, братъ, дѣло всегда дѣло пустое,—сказалъ Ларіонъ Семеновичъ и самъ задумался.—Положимъ, это видимость одна только. Можно и благодѣянія съ умомъ дѣлать, такъ что даже тебѣ отъ этого польза будетъ.

— Т. е. какъ это, отецъ?

— А вотъ такъ и есть, доченька, что еще ты и сама этого не знаешь! Вотъ я сейчасъ велѣлъ баржу чинить. Для чего?—началъ онъ пояснять свою мысль.—Для того, чтобъ она мнѣ опять служила, ну, а вонъ—скажемъ—у меня бурлакъ заболѣлъ. Я его въ больницу положилъ, деньги за него плачу, вылѣчилъ. Для чего? Для того, чтобъ онъ мнѣ служилъ. Вотъ оно и выходитъ и какъ будто благодѣяніе, анъ—смотришь—отъ этого и притокъ есть! Кругомъ оно идетъ, понимаешь, кругомъ! Мнѣ еще покойникъ тятенька говорилъ: «береги людей возлѣ себя, береги, потому, чѣмъ ихъ меньше будетъ, тѣмъ они больше дорожиться стануть, и только тебѣ же отъ этого накладно будетъ!» По-ученому—это политическая экономія называется.

Людмила смотрѣла на отца веселыми глазами.

— Эхъ, папа! Хорошій ты! И вижу я, что дѣйствительно ты ничего противъ моего избранника не имѣешь,—сказала она.

— Для себя выбирала. Тебѣ съ нимъ и жить, а не мнѣ! Ну, а вась я, конечно, не обижу. Одна, вѣдь, ты у меня! А коли внуки будутъ—имъ отдѣльно отпущу! Да! А то вы, съ твоимъ Юріемъ Андреевичемъ, пожалуй, такъ разблагодѣтельствуетесь, что чужимъ-то поможете, а своихъ дѣтишекъ по-міру пустите!

— Ну, что загадывать объ этомъ!—сказала Людмила и, облегченно вздохнувъ, поцѣловала руку отца.

Хоть и жестка ей казалась его «политическая экономія», но зато теперь передъ нею были двери настезь раскрыты, и она могла уйти изъ царства ея.

XXXV.

Прошелъ мѣсяць. Лыкошинъ уже совсѣмъ поправился и перебрался въ городъ, въ гостиницу. Свадьба его съ Людмилой была объявлена. Наступилъ канунъ ея, а также канунъ ихъ отъѣзда за границу, куда товарищи-врачи настойчиво посылали Юрія Андреевича для окончательнаго поправленія его расшатаннаго болѣзнью здоровья.

Лыкошинъ, какъ и всегда, проводилъ этотъ день на дачѣ у Полтинныхъ. Стоялъ погожій августовскій денекъ. Людмила и Лыкошинъ сидѣли въ томъ самомъ гротѣ, въ которомъ мѣсяць тому назадъ она исповѣдывалась Никешѣ въ горячей любви своему теперешнему жениху.

— Долго и много говорили они въ послѣдніе дни. Но сегодня ихъ обоихъ охватило какое-то странное, тихое настроеніе и бесѣда не вязалась.

— Ты счастливъ, Юрій?—чуть слышно спросила Людмила.

— Счастливъ, голубка!—такъ же тихо отвѣтилъ и онъ.

— Да!—задумчиво заговорила она.—Эти восемь лѣтъ были для меня какимъ-то кошмаромъ. Порой страшно становилось мнѣ, и только ты, одинъ ты, гдѣ бы ты ни

былъ—вблизи или вдали отъ меня, но ты всегда былъ моимъ маякомъ. И не будь этого маяка, я бы навѣрное погибла.

— Знаешь, вѣдь и ты для меня была этимъ же маякомъ. Вѣдь, и твой образъ и мучилъ меня, но и жить заставлялъ.—говорилъ онъ:—въ минуты страшнаго отчаянія! Въ минуты полнаго душевнаго разлада, когда я малодушествовалъ, опускался и готовъ былъ совсѣмъ унасть, свѣтъ любви моей къ тебѣ—спасалъ меня.

— Неужели для этого нужно было восемь лѣтъ ждать?

— Что-жъ, вѣрно нужно было, если ждали.

— А если-бъ мы тогда же протянули другъ другу руки, сколько, можетъ-быть, позорнаго, постыднаго не пришлось бы пережить намъ.

— А что въ Писаніи-то сказано: «Не согрѣшившій, не спасется».—сказалъ онъ и улыбнулся.

Людмила была серьезна. Она вдругъ протянула къ нему обѣ руки и голосомъ, полнымъ мольбы, прошептала:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагрившихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

А Лыкошинъ обнялъ и горячо поцѣловалъ ее.

Никто и не ожидалъ въ городѣ, что свадьба единственной дочери Ларіона Семеновича Полтинина будетъ отпразднована такъ скромно. Всѣ думали, что губернский амфитріонъ весь міръ удивить въ этотъ день.

И вдругъ все это прошло безъ всякаго шума, грома и блеска. Молодыхъ скромно обвѣнчали въ приходской церкви, потомъ они заѣхали на полчаса въ городской Полтининскій домъ, а оттуда прямо на пароходъ, отходившій вверхъ по Волгѣ, на которомъ они должны были плыть до Рыбинска, а тамъ дальше черезъ Петербургъ, за границу.

Провожавшихъ, по настоянію Людмилы, было очень немного. По ея же настоянію и свадьба была отпразднована такъ скромно. Но Ларіонъ Семеновичъ, видимо, былъ этимъ искренно огорченъ. Не дали ему развернуться во всю ширь его широкой натуры.

И вотъ теперь, стоя на борту парохода между зятемъ и дочерью, за нѣсколько минутъ до отвала, онъ говорилъ:

— Эхъ, дѣтки! Не потѣшили вы меня, старика, на прощанье! Я думалъ-было свадьбу-то тысячь въ тридцать вкатить, анъ и тысячи не вышло! Ну, куда мнѣ теперь съ этимъ остаткомъ дѣваться?

— А пожертвуй его, отецъ, на какое-нибудь благотворительное учрежденіе,—сказала Людмила.

— Пожертвуй! А куда? Ну-ка, вотъ ты, сыночекъ богоданный,—обращаясь уже къ Лыкошину, продолжалъ Полтининъ.—Мнѣ вотъ дочка хвасталась, что ты меня добро дѣлать научишь! Ну-ка, скажи теперь, куда мнѣ этотъ остатокъ дѣвать?

— Куда?—переспросилъ Лыкошинъ и, подумавъ немного, сказалъ:

— Да передѣлайте хоть помѣщеніе для матросовъ на всѣхъ вашихъ баржахъ. Сдѣлайте его поудобообитаемѣе, а то, вѣдь, люди-то у вась тамъ въ такой темнотѣ, сырости да грязи ютятся, что вспомнить страшно.

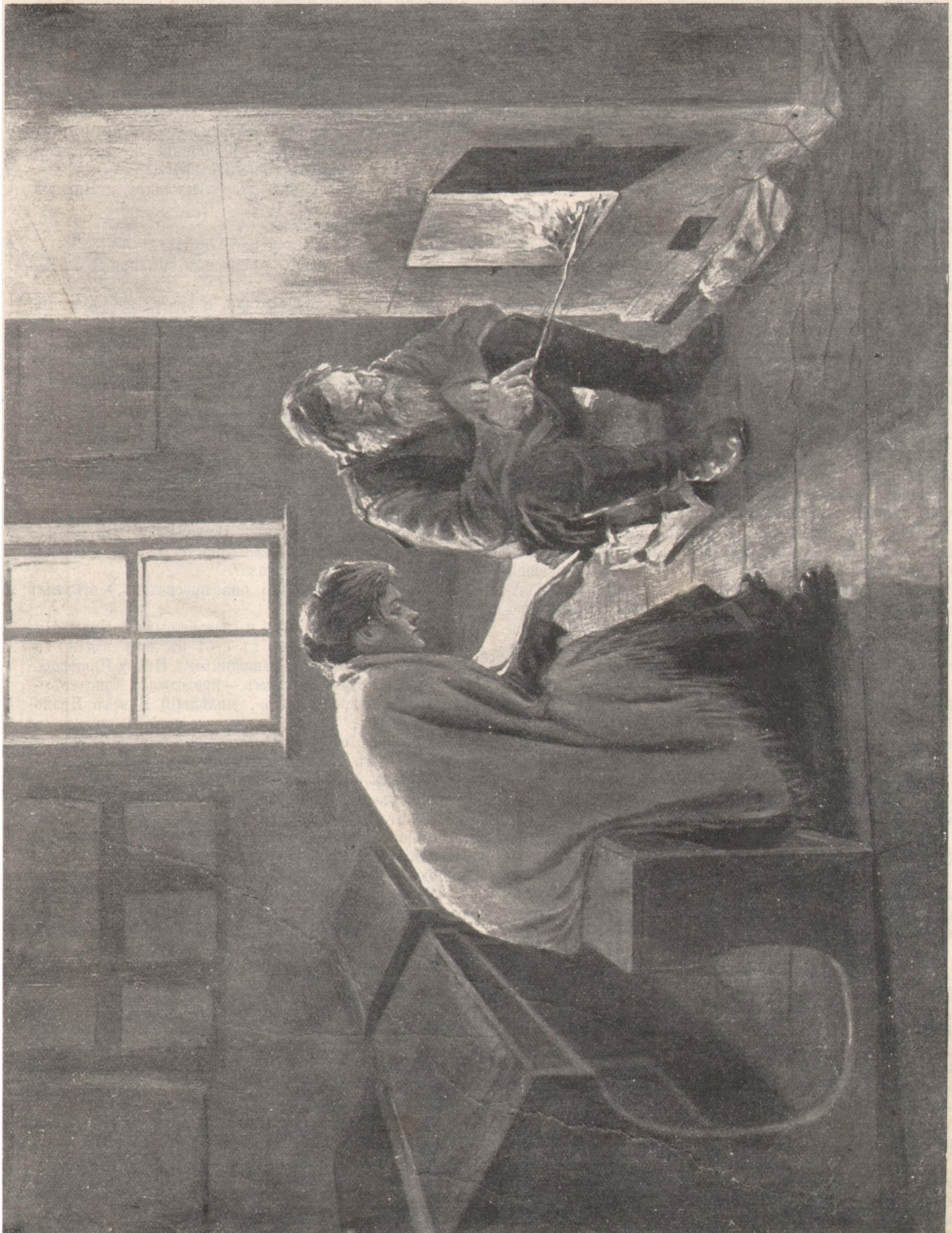
Ларіонъ Семеновичъ подумалъ, почесалъ затылокъ и сказалъ:

— А, вѣдь, ты это правду говоришь: я и самъ объ этомъ не разъ задумывался. Такъ думаю, что,—продолжалъ онъ:—если ихъ помѣщеніе на палубу вынести. Однимъ словомъ, «казенку» увеличить, чтобъ не только для водолива, а и для всѣхъ помѣщеніе на палубѣ было. Тогда и воздуху, и свѣту для нихъ много будетъ. Конечно, грузоподъемность баржи отъ этого уменьшится, ну, да...

Но въ это время раздался второй свистокъ, и Ларіонъ Семеновичъ, оборвавшись, принялся торопливо крестить

Подвижники. Акварель Н. Н. Каразина. (Акварельная выставка 1905 г.). Арт. «Нивы».

Тяжелый хлебъ (Народная учительница). Картина Н. М. Кабанова, арт. «Нивы».

и горячо цѣловать дочь. Потомъ крѣпко обнялъ онъ и зятя.

Черезъ нѣсколько минутъ пароходъ уже отваливалъ отъ пристани.

Старикъ Полтининъ, безъ шапки, стоя на самомъ краю ея, издали уже все крестилъ своихъ дѣтей. По красному лицу его текли слѣзы и скатывались на черную, кудреватую, съ легкой просѣдью, бороду, а гладкая лысина его ярко блестя на солнцѣ.

Съ молодыми за границу уѣзжалъ и Никеша Слюзинъ. Иванъ Никифоровичъ отпустилъ его въ надеждѣ, что тотъ хоть тамъ малость пообтешется.

XXXVI.

Стояла поздняя осень. По Волгѣ шло сало, облетѣли листья на деревьяхъ, дулъ пронизывающій холодный вѣтеръ, то и дѣло перепархивалъ снѣжокъ.

Но на берегахъ прекраснаго голубого озера Леманъ было еще тепло. Деревья красовались въ осеннемъ расцвѣченіи, правда не въ такомъ яркомъ и прекрасномъ, какъ это бываетъ у насъ, на сѣверѣ, но все же придающемъ жизнь общей картинѣ.

Въ Монтрѣ, подъ навѣсомъ кофейной Зюрхера, за маленькимъ столикомъ сидѣли Лыкошинъ, Людмила и Никеша. Передъ ними былъ сервированъ чай съ сладкими пирожками.

Никеша только-что вернулся изъ Лозанны и отдавалъ отчетъ друзьямъ своимъ объ этой поѣздкѣ.

— Я отлично, отлично устроился,—говорилъ онъ:—и такъ дешево, что ста рублей мнѣ ни за что не прожить.

Никеша оставался на зиму въ Лозаннѣ одинъ, съ цѣлью учиться.—сначала французскому языку, а затѣмъ и дальше, до университета включительно. Учиться уже давно хотѣлось ему, а дома ему только дали кончить четырехклассное училище. Теперь передъ Никешей открывались широкія перспективы. Отецъ, подъ вліяніемъ разныхъ доброжелателей, согласился высылать сыну по сто рублей въ мѣсяцъ, которые Никешѣ казались здѣсь неисчерпаемымъ богатствомъ и давали возможность и учиться, и жить, и даже немного путешествовать.

И теперь, сияющій, восторженный, дѣлился онъ съ Лыкошинными своимъ мечтами.

Юрій Андреевичъ, замѣтно посвѣжѣвшій и пополнившій даже слегка, слушалъ его, одобрительно покачивая головой.

— Учись, учись, Никеша!—сказалъ онъ наконецъ.—Вернешься домой, «полза дѣлать будышь», какъ говорилъ одинъ мой знакомый армянинъ.

— Ну, а вы завтра уѣзжаете?—окончивъ свои рассказы, спросилъ Никеша слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Да, завтра, голубчикъ! Пора ужъ. Вонъ какъ Dent-du-Midi снѣгомъ покрылся. Да и Rochez-de-Naye окутывается: того и гляди, холода наступятъ,—сказалъ Лыкошинъ.

— Прямо въ Сорренто?

— Въ Римѣ немного только задержимся, а потомъ прямо туда.

— А русскихъ-то какъ здѣсь поубавилось!—замѣтила Людмила.

— Да, нашъ сезонъ кончился и начался англійскій,—сказалъ Лыкошинъ.—Давно ли еще здѣсь у Зюрхера только и слышишь русскую рѣчь, а теперь вотъ царить «звукъ шипящаго эгоизма».

— «Звукъ шипящаго эгоизма»?—переспросила Людмила.

— Да, такъ Гейне англійскій языкъ характеризовалъ. Никеша! Никеша! Смотри-ка! Кто идетъ!?—воскликнулъ вдругъ Лыкошинъ, указывая Никешѣ глазами куда-то впередъ.

Никеша посмотрѣлъ. По тротуару, со стороны Террите, шелъ господинъ средняго роста, въ какой-то странной «альмавивѣ» на плечахъ и съ сѣрой фетровой шляпой на головѣ.

— Да это, никакъ, Николай Васильевичъ Тополевъ!—сказалъ онъ.

— Онъ и есть!—подтвердилъ Лыкошинъ.

Тополевъ въ это время переходилъ переулочекъ, ведущій къ курзалу. Затѣмъ, вступивъ подъ навѣс кофейной и увидавъ нашу маленькую компанію, вдругъ громко воскликнулъ:

— Ба! Кого я вижу! Землячки! Потылинцы!

И, подойдя къ столику, онъ вѣжливо приподнял шляпу передъ Людмилой.

— Позвольте мнѣ представиться вамъ, Людмила Илларионовна.—заговорилъ онъ.—Давнишній почитатель и, можно сказать, пріятель вашего супруга.

Затѣмъ, крѣпко пожавъ руку Лыкошину и Никешѣ, спросилъ:

— Позвольте присѣсть?

Докторъ придвинулъ для него стулъ.

— Давно ли вы здѣсь?—спросилъ онъ при этомъ Тополева.

— Да вчера только пріѣхали, а завтра же уѣзжаемъ. Сейчасъ, вотъ, въ контору Кука за билетами ходилъ. Швейцарія—это, знаете, такая тоска! Такая тоска! Но жена не видала еще ея, хотѣла горы посмотреть, ну, вотъ я и доставилъ ей удовольствіе. Но хорошенькаго понемножку.

— А теперь куда?—спросила Людмила.

— Въ Ниццу! Разумѣется, въ Ниццу! Тамъ теперь сборъ всѣхъ частей.

— А давно ли изъ Россіи?—освѣдомился Лыкошинъ и спросилъ:—что тамъ новенькаго?

— Да недѣля всего. А новостей пропасть! Пропасть!—весело заговорилъ Тополевъ.—Во-первыхъ, для васъ!—обратился онъ къ Никешѣ.—Знаете ли вы, что ваша вторая сестра замужъ вышла?

— Да, мнѣ писали, что она просватана,—отвѣтила Никеша.

— Ну, а на-дняхъ вотъ и свадьба была, и Иванъ Никифоровичъ ее съ мужемъ къ себѣ въ домъ взялъ. Говорятъ, дѣльный малый, помощникомъ Ивану Никифоровичу будетъ. Ну-съ, затѣмъ,—продолжалъ Тополевъ:—«можете себѣ представить», милѣйшій Павелъ Ивановичъ Чибисовъ, волею Божіею—помре! Да-съ, да-съ! Кончился нашъ старичокъ! Послѣдній загулъ съ Воротниковымъ былъ его лебединою пѣсню. Какъ тогда захворалъ, такъ больше уже не поправлялся... Но, знаете ли, какую передъ смертью штучку выкинулъ? Съ Егоромъ Капитоновичемъ Курманаевымъ примирился, и что ужъ совершенно удивительно, такъ это то, что прежнему своему врагу «махоркѣ» что-то такое по духовному завѣщанію отказалъ. Пустяки, конечно, какіе-то, а все-таки!

— Ну, а остальное-то свое состояніе куда? Вѣдь у него большое было?—спросилъ Лыкошинъ.

— Вотъ тутъ-то главная штука и есть! Рыцарь остался вѣренъ своей дамѣ—«можете себѣ представить»—все Нинѣ Сергѣевнѣ Воротниковой оставилъ!

— Ну?—удивился Лыкошинъ.—И та приняла?

— Вотъ тутъ-то вся и загвоздка! Еще вопросъ не рѣшенъ: у Чибисова какіе-то бѣдные родственники оказались. Костя настаиваетъ, чтобъ мать имъ передала, а старушка упирается: «можетъ-быть, говорить, мнѣ и самой на старость пригодится, если ты меня изъ дому выгонишь!» Можете себѣ представить...

— Позвольте! Да вы тоже наслѣдство отъ Чибисова получили?—серьезно спросилъ Юрій Андреевичъ.

— Какъ наслѣдство? Какое?—удивился Тополевъ.

— Да вотъ эту поговорочку-то «можете себѣ представить».

— Ахъ, чортъ!—весело расхохотался Николай Васильевичъ.—Дразнилъ-дразнилъ покойника, да и самъ отъ него заразился. Мнѣ и то жена уже все время замѣчанія дѣлаетъ! Ну, да не въ этомъ суть!—продолжалъ онъ, мѣняя тонъ.—Вы знаете, конечно, что Костя женился?

— Писали.

— Да-съ, женился! И при этомъ чрезвычайно удачно. На кузинѣ моей жены. Дѣвушка, я вамъ скажу, прелесть! Для него не жена, а кладъ! Хозяйственная, съ характеромъ! Да чего лучше! Самое Нину Сергѣевну покорила. Вы бы теперь не узнали старухи! Тише воды, ниже травы! И какъ она мяконько взяла ее. Сначала Нина Сергѣевна сама выразила желаніе остаться съ молодыми въ Большихъ Воротникахъ, вѣрно, побороться еще думала. А и мѣсяца не прошло, какъ пARDону запросила и стала въ Малые Воротники собираться. Анъ, глядь! Они ее и туда не пускаютъ: «Помилуйте, маменька, говорятъ, — тамъ Куріановъ хозяйничаетъ и отлично дѣло ведетъ, а при васъ онъ и жить не станетъ». Взыбла-было старуха, а вотъ тутъ какъ разъ и Чибисовское наслѣдство подоспѣло. Костѣ, конечно, это неприятно, что его мать отъ чужого человѣка какъ бы подачку получить, но на этотъ разъ, я думаю, онъ сдастся, потому что Ольга, жена-то его, за то, чтобы маменькѣ наслѣдство принять. Пускай, дескать, старуха, по крайней мѣрѣ, свой уголь имѣетъ. Ну, а что Ольга захотѣла, то и сбудется, потому что нашъ Костенька теперь на все изъ ея рукъ смотреть.

— Ну, и что же, счастливъ теперь Константинъ Федоровичъ?—спросила Людмила.

— О! Еще какъ счастливъ-то! Просто на седьмомъ небѣ благодумствуетъ! Да посудите сами только! Вѣдь человѣкъ на свободу вырвался!

— А я просто думаю, что въ свою колею попалъ!—поправилъ Тополева Юрій Андреевичъ.

— Ну, или тамъ въ свою колею—все равно! Важно только, что онъ счастливъ, безмѣрно счастливъ! Ольга съ нимъ рука объ руку идетъ и, можетъ-быть, на поголовы впереди даже. Не только ни въ какихъ благихъ реформахъ не препятствуетъ, а скорѣе—его же понукаетъ.

— А каковы эти реформы?—спросилъ Лыкошинъ.

— Ну, да вотъ, наприимѣръ, школу для крестьянскихъ дѣтей открываютъ, и школу, знаете, такую практическую, сельско-хозяйственную; что-то въ родѣ яслей для грудныхъ младенцевъ устроить собираются; трех-четыре-хъ круглыхъ сиротъ уже призрали. Ну, говоритъ нечего, конечно, что главная язва—скверная пища для батраковъ—давно устранена. Вообще, знаете, безъ сентиментовъ, но на практической почвѣ. Ольга-то, вѣдь, молодецъ! Умница! Да и нужду деревенскую знаетъ.

— Что-жъ, исполать имъ!—сказалъ докторъ Лыкошинъ, а затѣмъ спросилъ Тополева:—Ну, а сами-то вы какъ?

— Да что-жъ, и я великолѣпно! Имѣніе свое Константинъ Федоровичу въ аренду сдалъ. Онъ сначала-было заартачился, да спасибо Ольгѣ, поступила по-родственному, уговорила. Ну, а вы сами знаете—имѣніе въ рукахъ Воротникова не оскудѣетъ. Я теперь на всю мою жизнь обезпеченъ... Однако, заговорился я съ вами, а меня жена дожидается!

И онъ, вставъ съ мѣста, сталъ прощаться, говоря при этомъ всѣ приличныя данному случаю фразы, въ родѣ того, что: «гдѣ бы намъ еще повидаться? Да какъ бы хорошо тамъ-то или тамъ-то съѣхаться!»

И вдругъ, словно вспомнивъ что, воскликнулъ:

— Ва! Pour la bonne bouche! Чуть не забылъ совсѣмъ! Егоръ-то Капитоновичъ Курманаевъ, послѣ смерти своего соперника, осмѣлѣлъ совсѣмъ и Нинѣ Сергѣевнѣ самое официальное предложеніе сдѣлать!

— Ну, и?..—съ нетерпѣніемъ спросилъ Лыкошинъ.

— Да вопросъ еще остался открытымъ, но кто знаетъ, чѣмъ можетъ разрѣшиться? Нина Сергѣевна, при новыѣхъ вѣяніяхъ, чего добраго, можетъ и согласіе дать. Вѣдь не всѣ люди подъ старость умнѣе становятся! Нѣкоторые и глупѣютъ!

И затѣмъ, поцѣловавъ ручку у Людмилы и крѣпко пожавъ руки Лыкошину и Никешѣ, Николай Васильевичъ бодро зашагалъ дальше по тротуару.

— Что онъ за человѣкъ!—спросила Людмила у мужа, когда Тополевъ отошелъ отъ нихъ.

— Да такъ, никудашный,—отвѣтилъ Юрій Андреевичъ.—Изъ тѣхъ, что небо коптятъ. Вотъ, онъ на Воротникова свысока смотритъ, а какой ни на есть Воротниковъ, а передъ нимъ онъ человѣкъ, и даже большой человѣкъ, потому что, во-первыхъ, работаетъ и идеалы кое-какіе имѣетъ. При маменькѣ, правда, въ одно стяжательство все это уходило, ну, а теперь, подъ новой опекой, кто знаетъ, можетъ, и добро дѣлать начнетъ. Благо, въ свою колею попалъ. А что,—спросилъ онъ другимъ тономъ:—не покатаются ли намъ на прощанье на дочкѣ, пока еще солнце высоко?

— Тебѣ не холодно будетъ?—заботливо освѣдомилась Людмила.

— Нѣтъ, ничего. Со мной пледъ.

И они, расплатившись, пошли къ набережной.

А черезъ четверть часа небольшая, но красивая лодка, устланная ковромъ и покрытая парусиновымъ тентомъ, плыла по озеру.

Никеша и Людмила гребли, а Юрій Андреевичъ сидѣлъ на рулѣ. Они плыли по направленію къ Шильонскому замку, красиво отражавшемуся своими бѣлыми стѣнами въ лонѣ тихихъ голубыхъ водъ.

— Учись, Никеша!—говорилъ Юрій Андреевичъ своему юному другу.—Учись и присматривайся къ чужой жизни, выбирай изъ нея то, что можетъ быть полезно и хорошо для твоей родины, а въ сердцѣ своемъ не заглушай, а береги и дѣлай любовь къ нашей бѣдной и богатой, къ нашей слабой и могучей, къ нашей великой Россіи. Люби ее, но не той спекулятивной любовью «патріотовъ своего отечества», которые любятъ ее потому, что это иногда бываетъ выгодно. Люби ее всегда, вездѣ и во всемъ, хотя бы тебѣ за это и страдать, и терпѣть пришлось. Люби ее, какъ мать, но не закрывай глаза передъ ея недостатками. Люби ее зрячей любовью, потому что слѣпая любовь—недолговѣчна. И когда ты попадешь «въ свою колею» и встанешь на ноги, на твердыя ноги культурно-образованнаго человѣка, тогда можешь приняться и за активное проявленіе своей любви. И тогда ты принесешь родинѣ своей добро или, какъ армянинъ говорилъ: «полза будышь дѣлать!» А пока—учись, Никеша!

— А вы... а вы... Юрій Андреевичъ... лѣчитесь, набирайтесь силами и поѣзжайте домой, туда! Тамъ васъ ждутъ! Тамъ нужны вы! А я подучусь, приѣду, помогать вамъ буду,—дрожащимъ отъ волненія голосомъ говорилъ Никеша.

Людмила смотрѣла на нихъ свѣтлымъ, спокойнымъ взглядомъ. Жизнь, развертывавшаяся передъ ней впереди, была ясна ей, и она любила эту жизнь и чувствовала, какъ хорошо и какъ легко ей теперь будетъ идти навстрѣчу новой жизни.

К О Н Е Ц Ъ .

Островъ Сахалинъ.

(Съ 8 рис. настр. 309, 310, 311 и 312).

Уходящій въ безвѣстную даль Охотскаго моря, знаменитый приютъ ссыльно-каторжныхъ россіянъ, островъ Сахалинъ, или, какъ его зовутъ каторжники, «Соколинный островъ», силою судебъ привлекаетъ теперь наше особое вниманіе.

Разыгрывающаяся на Дальнемъ Востоѣ трагедія русско-японской борьбы захватила и его въ свою сферу. Одновременно съ

гибелью славнаго и несчастнаго «Новика», затопленнаго, какъ извѣстно, у береговъ Сахалина, противъ поста Корсаковскаго, подвергся бомбардированію японцевъ и самый Корсаковскъ. Съ тѣхъ поръ на Сахалинѣ произошли крупныя внутреннія перемѣны, завершившіяся значительнымъ смягченіемъ режима ссыльно-каторжныхъ и образованіемъ изъ нихъ воинскихъ командъ на случай

нападенія японцевъ. Всѣмъ извѣстно, до какой степени японцы за- рятся на «Соколинный островъ» и какъ страстно желаютъ обладать имъ.

Въ «Нивѣ» былъ помѣщенъ въ 1903 году (№ 7) очеркъ о Сахалинѣ, его географіи и жизни на немъ. Здѣсь же мы приведемъ о немъ нѣко- торыя важнѣйшія данныя въ связи съ современными событиями.

Исторія гласитъ по поводу Сахалина слѣдующее:

Въ Европѣ объ этомъ островѣ впервые узнали въ началѣ XVIII вѣка, когда вышелъ въ свѣтъ атласъ географа д'Анвилля («Nouvel Atlas de la Chine»).

Сахалинъ долгое время считался полуостровомъ; такъ отзыва- лись о немъ и Крузенштернъ, и Брутонъ, и только въ 1849 г. Невельской, побывавъ на западномъ побережьѣ острова, замѣтилъ ошибку и исправилъ ее.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что японцы гораздо раньше насъ и европейцевъ опредѣлили, что Сахалинъ—островъ, и, вообще, изслѣ- довали его: такъ, еще въ 1808 г. японскій землеѣръ Мамія Ринзо составилъ хорошую карту Сахалина и амурскаго побережья, но карта эта попала въ Европу слишкомъ поздно.

До 1867 года Сахалинъ представлялъ собою спорное имущество: японцы считали его своимъ, русскіе—тоже своимъ. Конвенція 1867 года разрѣшила свободный проѣздъ по всему острову, какъ русскимъ, такъ и японцамъ, причемъ южный Сахалинъ былъ при- знанъ собственностью японцевъ. А въ 1875 году по особому трактату мы приобрѣли весь Сахалинъ, японцы же въ обмѣнъ на это получили южные Курильскіе острова.

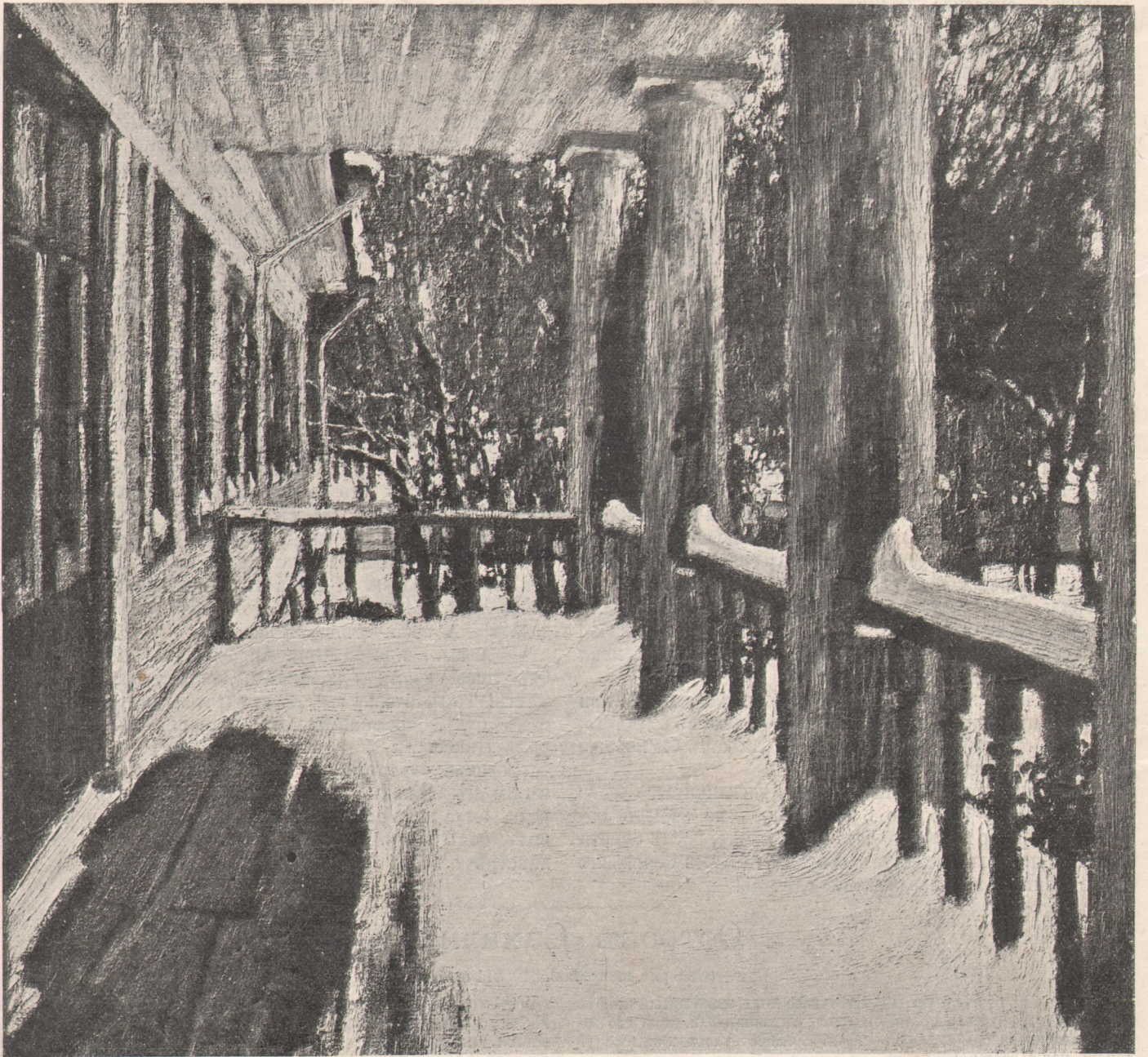
Въ 1879 году на Сахалинъ пришелъ первый «доброволецъ» (т. е. пароходъ Добровольнаго флота) съ партіей ссыльно-каторж-

ныхъ. Ссыльно-каторжныхъ стали отправлять на «Соколинный островъ», собственно говоря, еще и раньше, но съ этого времени установилось правильное ежегодное транспортированіе арестан- товъ, и были выработаны опредѣленные правила для ихъ поселе- нія и «устроенія» на Сахалинѣ.

Съ тѣхъ поръ и началась исторія сахалинской каторги, ознаме- новавшаяся многими темными сторонами и породившая многихъ отрицательныхъ героевъ каторги и каторжнаго режима. На про- тяженіи этой недолгой исторіи «Соколинный островъ» служилъ, по- истинѣ, проклятымъ, «гиблымъ» мѣстомъ, откуда неудержимо рва- лись на материкъ и арестанты, и немногочисленные чиновники. Принудительное поселеніе преступниковъ на островъ безъ права возвращенія въ Россію, даже при относительной свободѣ и легко- сти режима, крайне угнетало поселенцевъ. Къ тому же суровый климатъ Сахалина, отсутствіе дорогъ, дикая, болотистая тайга, въ которой поселенцамъ приходилось строить жилища и заводить хлѣбопашество—отнюдь не способствовали утвержденію въ нихъ симпатій къ острову. Наконецъ, въ прежнее время и администра- ція острова не отличалась добродѣтелями и выдвинула изъ своей среды цѣлый легионъ отвратительныхъ типовъ. Все это, взятое вмѣстѣ, создало Сахалину зловѣщую репутацию, которая остается за нимъ и донинѣ, несмотря на то, что Сахалинъ теперь въ зна- чительной степени населенъ и обработанъ, каторжный режимъ зна- чительно облегченъ, и постепенно отходятъ въ область преданія зловѣщіе типы и картины прошлаго, такъ ярко изображенные въ сочиненіяхъ А. Чехова, Дорошевича и Мироллобова.

Заслуживаетъ ли Сахалинъ такой репутации?

Островъ, самъ по себѣ, по общему отзыву всѣхъ побывавшихъ

Сентябрьскій снѣгъ. Картина И. Грабаря. Авт. «Нивы». (Выставка «Союза русскихъ художниковъ» 1905 г.)

О. Сахалинь. Шестая ссыльно-каторжная дружина съ ея начальникомъ, штабъ-капитаномъ В. Н. Шабавинимъ. По фот. авт. «Нивы».

на немъ свѣдущихъ людей, обладаетъ огромными природными богатствами. По природѣ своей онъ, конечно, мраченъ и унылъ, но «гиблага», «пропашаго» въ немъ ничего нѣтъ. Его сдѣлала «гиблымъ» каторга... Вѣрнѣе, она не сумѣла культивировать его и вывести изъ виѣшней, кажущейся «гиблости» въ состояніе полной культуры, полного использованія всѣхъ природныхъ богатствъ Сахалина.

Неудачное управленіе островомъ, попавшее преимущественно въ руки тюремнаго начальства, не дало государству возможности извлечь изъ Сахалина всѣ его выгодныя качества. На Сахалинь смотрѣли, только какъ на мѣсто заточенія преступниковъ... Позднѣе возникла мысль создать для нихъ на Сахалинь исправительную сельско-хозяйственную колонию, но для веденія сельскаго хозяйства Сахалинь оказался совершенно непригоденъ и по климату,

Сидящіе: (слѣва) — Инженеръ-архитекторъ острова К. А. Лявевичъ, Благочинный острова протоіерей А. Унинскій. Начальн. Дуйск. команды подплк. Н. П. Домницій. Предсѣд. воен.-окр. суда ген.-маіоръ М. Н. Загоскинъ. Команд. крейсера «Новикъ», кап. 2-го ранга М. Ф. Шульцъ. Военный губернаторъ острова и начальникъ мѣстныхъ войскъ, ген.-лейт. М. Н. Лапуновъ. Завѣдующій чинами Госуд. контроля на островѣ, статскій сов. П. Н. Блудоровъ. Прокуроръ воен.-окр. суда полк. А. М. Ермаковскій. Младшій механикъ съ «Новика» Б. В. Ждановъ. Помощникъ старшаго адъютанта Управленія войскъ кап. Н. Н. Иголицынъ.

О. Сахалинь. Постъ Александровскій. Группа начальствующихъ лицъ острова и гостей на праздникъ Александровскаго батальона.

По фот. авт. «Нивы».

и по почвеннымъ условіямъ. А между тѣмъ, горныя, растительныя и рыбныя богатства острова оставались почти неразработанными. Трудъ каторжныхъ направлялся не въ ту сторону, да и трудъ этотъ къ тому же, вслѣдствіе своей подневольности и вслѣдствіе отношенія къ нему, какъ къ тяжкому наказанію, не могъ быть производительнымъ.

Отъ недостатка свободныхъ предпринимательскихъ рукъ Саха-

Затѣмъ очень богата и флора Сахалина, т. е. могучіе корабельные лѣса, до сихъ поръ остающіеся нетронутыми. Но всего болѣе богатствъ заключено въ нѣдрахъ Сахалина: въ его горахъ хранятся громадныя залежи каменнаго угля, нефти, желѣза.

Г. Платоновъ, обследовавшій, по порученію съѣзда бакинскихъ нефтепромышленниковъ, сахалинскія нефтеносныя мѣста, говорить, что «все виднѣное имъ въ Америкѣ—ничто въ сравненіи

О. Сахалинъ. Александровскій постъ. Базарная площадь. По фот. авт. «Нивы».

линь и остается донинѣ со своими природными запасами безъ призора и производитъ на свѣжаго человѣка отталкивающее впечатлѣніе мертваго «царства каторги»... Хотя, повторяемъ, за послѣднее время внѣшность острова и его внутренней бытъ чрезвычайно измѣнились къ лучшему.

Не преувеличены ли, однако, свѣдѣнія о богатствахъ Сахалина?

Относительно сахалинской фауны—и въ особенности рыбнаго царства,—мы имѣемъ точныя, давно повѣренныя свѣдѣнія. Рыбы на Сахалинѣ великое множество: рыбою (кзтой) кормится все коренное населеніе острова—и русскіе, и гиліаки, и айносы. Кзта вылавливается въ сахалинскихъ рѣкахъ прямо въ невѣроятномъ количествѣ. А на побережь ловятся въ немаломъ количествѣ сельди, весьма цѣнимыя японцами, какъ матеріалъ для удобренія ихъ полей.

съ тѣмъ, что онъ нашелъ на Сахалинѣ, гдѣ нефтеносныя поля (на р. Нутовой) превосходятъ не только американскія, но и бакинскія».

По общему мнѣнію другихъ изслѣдователей, на небольшомъ пространствѣ острова (66.000 квадратныхъ верст) сосредоточено такъ много разнообразныхъ естественныхъ богатствъ, какъ, пожалуй, нигдѣ въ Европѣ. Трудно найти другое такое мѣсто на земномъ шарѣ.

Вотъ каковъ этотъ «гиблый» островъ. Какое Эльдorado онъ можетъ представить собою въ умѣлыхъ рукахъ!

Къ этимъ природнымъ богатствамъ слѣдуетъ, кромѣ того, присоединить еще и выгодное стратегическое положеніе Сахалина по отношенію къ Приамурскому краю. Сахалинъ представляетъ собою естественный фортъ для всего Приамурья, и тому, кто завладѣетъ Сахалиномъ, будутъ принадлежать и берега Амура.

Островъ Сахалинъ. Приходъ зимней почты. По фот. авт. «Нивы».

Оттого-то японцы теперь так и мечтают о приобретении Сахалина. Оттого-то нам и нужно стараться не допустить потери «Соколина острова»...

Военные меры к охране Сахалина у нас до последнего времени были довольно-таки недостаточны. 50 летъ тому назад мы заняли Сахалинъ съ 70 солдатами, а къ 1901 году вся оборона острова состояла изъ 1.634 нижнихъ чиновъ тюремной охраны. Но нынче, какъ извѣстно, сформированы изъ ссыльно-каторжныхъ особыя дружины, хорошо обученныя и вооруженныя.

Климатъ и условия жизни на «Соколиномъ островѣ», разумѣется, тяжелы. Ранняя зима, обиліе осадковъ и сильные холода не могутъ создать пріятной обстановки для быта сахалинцевъ. Сообщение съ Россіей крайне затруднительно—особенно въ періодъ весенней и осенней распутицы. Почта идетъ туда и оттуда страшно долго и съ большими хлопотами. Прибытіе зимней почты изъ Николаевска въ Сахалинъ на собакахъ—цѣлое событіе.

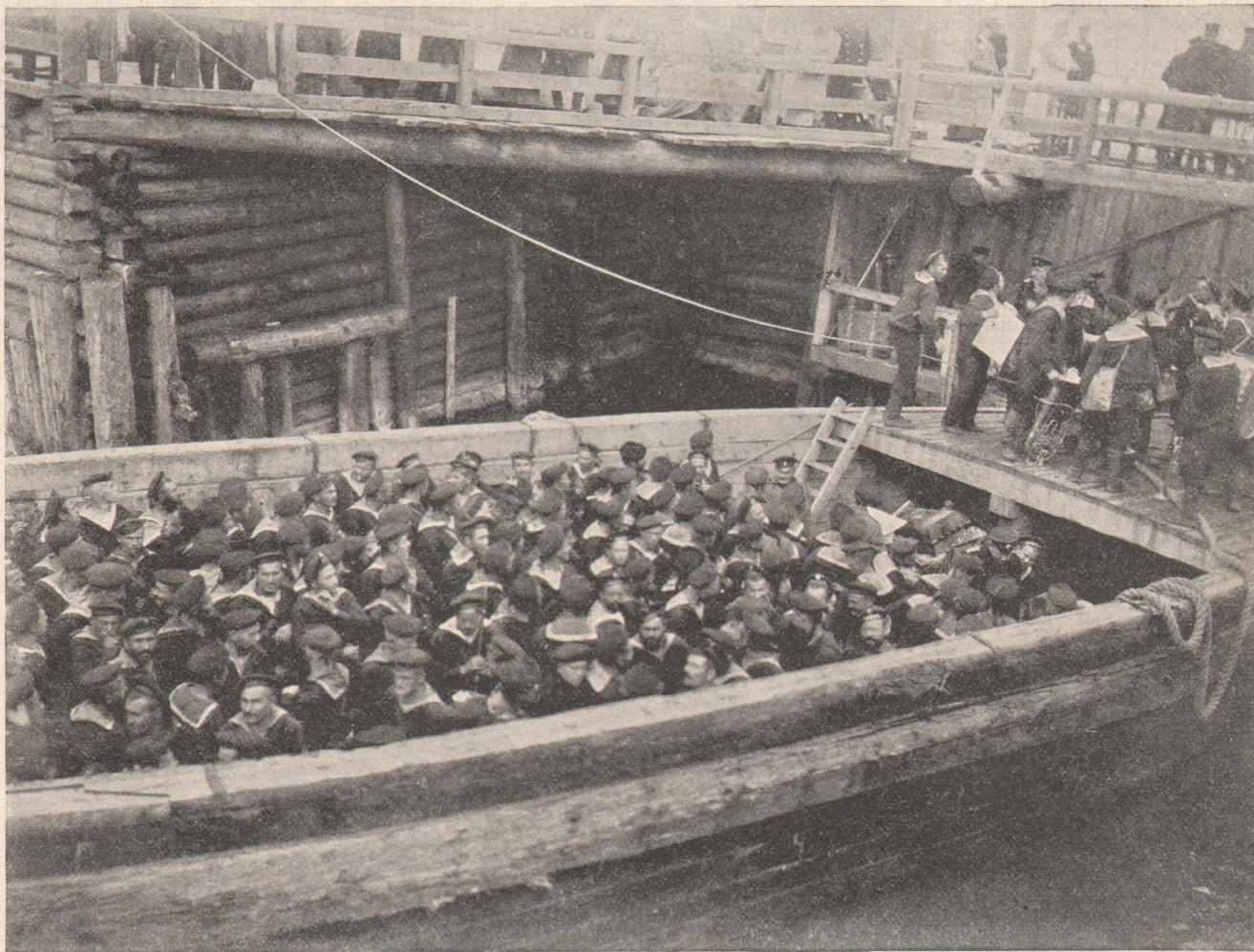
За неимѣніемъ подходящаго каменнаго матеріала, почти всѣ дома

пришлось пройти 400 верстъ по тайгѣ—и весь этотъ походъ они совершили въ теченіе мѣсяца!

Зато весь ихъ путь былъ истиннымъ триумфальнымъ шествіемъ. Сахалинцы во всѣхъ селеніяхъ встрѣчали героевъ «Новика» хлѣбомъ-солью, воздвигали на ихъ пути триумфальныя арки изъ зелени, угощали ихъ всѣмъ, что только сами имѣли и, между прочимъ, баней.

19-го сентября у с. Рыковского путники были встрѣчены помощникомъ военного губернатора, а мѣстное населеніе доставило подводы и угощеніе и приветствовало героевъ-моряковъ съ необычайнымъ энтузіазмомъ. Нижніе чины тюремнаго вѣдомства собрали 50 р. на табакъ матросамъ.

Въ дальнѣйшемъ пути моряки были встрѣчаемы съ такимъ же энтузіазмомъ. На станціи Арково имъ была поднесена послѣдняя, оставшаяся на Сахалинѣ, бутылка шампанскаго. Но самое главное торжество ожидало ихъ въ Александровскѣ, гдѣ кончился ихъ пѣшій походъ.

О. Сахалинъ. Проводы матросовъ „Новика“ съ пристани поста Александровскаго. По фот. авт. «Нивы».

на Сахалинѣ строятся изъ дерева. Даже «столица» Сахалина—постъ Александровскій—выстроены сплошь изъ дерева и производятъ довольно унылое впечатлѣніе своими сѣрыми низенькими домиками и обширными грязными площадями.

Въ сентябрѣ 1904 года Сахалинъ былъ свидѣтелемъ героической эпопеи «Новика» и не менѣе героическаго похода его моряковъ черезъ весь островъ для слѣдованія въ Россію.

Это былъ настоящій «анабазисъ»—повтореніе знаменитаго похода грековъ послѣ персидской экспедиціи обратно къ морю.

«Новикъ», какъ извѣстно, погибъ у поста Корсаковскаго—въ южной части Сахалина. Сахалинцы отнеслись къ этому событію съ горячимъ участіемъ. Какой-то дружинникъ при потопленіи «Новика» въ теченіе 1½ часовъ нырялъ на его дно, добывая снаряды. Съ «Новика» спасли всѣхъ людей, и не только людей, но и животныхъ, побывавшихъ въ бою: собакъ, двухъ котовъ и двухъ газелей.

Изъ Корсаковска матросы «Новика» отправились по-суху въ Александровскъ. Командиръ крейсера, М. Ф. Шульцъ, поѣхалъ до м. Сиророко на лошадахъ; затѣмъ онъ прошелъ 40 верстъ пѣшкомъ, а отъ Кусуная до Александровска поѣхалъ на гиліиныхъ лодкахъ. Съ нимъ вмѣстѣ отправился механикъ Б. В. Ждановъ.

Остальная же вся команда «Новика»—офицеры и матросы— прошли весь путь отъ Корсаковска до Александровска пѣшкомъ. Имъ

Они прибыли туда 26-го сентября и были восторженно встрѣчены всѣмъ населеніемъ. Послѣдовали торжественныя обѣды, банкеты у губернатора, угощеніе матросовъ и пр. Населеніе не знало, чѣмъ только угѣшить и угостить героевъ трагически погибшаго крейсера.

Столь же трогательно сахалинцы и провожали моряковъ, спусти нѣсколько дней. Стройными рядами съ собственнымъ оркестромъ моряки прошли по городу къ пристани. На рейдъ ждали ихъ транспорты «Тунгузы». Одна за другой переправились на него матросскія команды, раздавалось «ура», прозвучали прощальныя рѣчи, и «Тунгузы» медленно направился въ море, увозя героевъ «Новика» на далекую родину...

Съѣздъ представителей кредитныхъ товариществъ въ г. Самарѣ. (Съ рис. на стр. 313).

15-го февраля с. г. въ зданіи самарскаго биржеваго комитета, при участіи представителя министерства финансовъ А. А. Беретти и подъ предѣлательствомъ управляющаго мѣстнымъ отдѣленіемъ государственнаго банка А. К. Ершова, состоялся съѣздъ представителей кредитныхъ товариществъ Самарской губерніи. На съѣздъ продолжавшійся три дня, были приглашены по одному члену правленія или совѣта и одному члену каждаго товарищества, а также—управляющіе пензенскимъ и оренбургскимъ отдѣленіями государ-

ственного банка, инспектора кредитных товариществ г. Симбирска и др.

Отъ 70 кредитных товариществ явилось на съездъ 135 представителей. Руководящую роль принял на себя А. А. Беретти, изучавший, по поручению нашего правительства, за границей кооперативныя учреждения и способствовавший организации мелкаго кредита въ Россіи.

Съезду предстояло всесторонне высказаться по 60 вопросамъ, разработаннымъ отчасти центральнымъ комитетомъ по дѣламъ мелкаго кредита и отчасти управляющимъ отдѣленіемъ государственнаго банка А. К. Ершовымъ.

При обсужденіи вопросовъ выяснилось, что товариществамъ мѣшаетъ дѣйствовать лучше, чѣмъ они дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, царившее въ средѣ крестьянскаго населенія невѣжество, въ силу котораго невозможно найти даже лицъ, которые могли бы стать во главѣ управленія дѣлами товарищества, а также отсутствіе самостоятельности подъ давленіемъ административной опеки въ лицѣ земскихъ начальниковъ и недостатокъ оборотныхъ средствъ.

Кромѣ того, мѣшаетъ неправильная организация высшаго управленія по дѣламъ мелкаго кредита, въ виду чего признано желательнымъ учрежденіе центрального управленія, какъ учрежденія самостоятельнаго, независимаго и не входящаго въ сферу дѣятельности государственнаго банка,—съ тѣмъ, чтобы такое управленіе получило отъ правительства надлежащія денежныя средства для снабженія ими товариществъ. Средства эти могутъ быть почерпнуты изъ сберегательныхъ кассъ. Какъ извѣстно, въ эти кассы поступаютъ свободныя капиталы отъ лицъ духовнаго званія, купцовъ и чиновниковъ, капиталы, полученные, такъ или иначе, съ народа, почему они и должны быть возвращены, безъ всякаго, конечно,

5 милліоновъ, каковую сумму и желательно помѣстить въ кредитныя товарищества.

Переходя отъ центральнаго къ губернскимъ управленіямъ по дѣламъ мѣстнаго кредита, съездъ высказалъ пожеланія, чтобы въ составъ его входили не только чиновники, но, непременно, и представители товариществъ съ непремѣннымъ же участіемъ инспекторовъ кредитныхъ товариществъ. Между тѣмъ, по смыслу закона 7-го іюня 1904 г., они *могутъ быть приглашены*, а могутъ и не быть.

При дальнѣйшемъ обсужденіи вопросовъ секціи констатировали отсутствіе въ народѣ средствъ. По слову одного изъ видныхъ дѣятелей, Кузьмина, товарищества могутъ исключительно только функционировать благодаря лишь широкой поддержкѣ со стороны государственнаго банка. Сберегательныя кассы—вотъ источникъ средствъ. Свободныя капиталы одной части народа должны придти на помощь другой, нуждающейся. Въдъ это же не нормальное явленіе: 2½ милліона, отпущенные государственнымъ банкомъ на обороты кредитныхъ товариществъ, рассчитаны на 135 милліоновъ жителей. Отсюда вытекаютъ и ненормальныя явленія въ операціяхъ кредитныхъ товариществъ.

Ростовщичество играетъ также видную роль въ развитіи кредитныхъ товариществъ, разумѣется, въ отрицательномъ смыслѣ.

По общей сводкѣ резолюцій по всемъ вопросамъ съездъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы представители участвовали въ разрѣшеніи отпуски кредитовъ въ мѣстныхъ отдѣленіяхъ государственнаго банка (учетный комитетъ) и въ мѣстныхъ губернскихъ комитетахъ по дѣламъ кредита

товариществъ, а также и въ центральномъ комитетѣ въ томъ случаѣ, когда предстоить измѣненіе устава о кредитныхъ товариществахъ.

Гроза Сахалина—палачъ Комелевъ въ отставкѣ, на рыбной ловлѣ.

По фот. авт. «Нивы».

О. Сахалинъ. Юрта гилиака. По фот. авт. «Нивы».

ущерба для вкладчиковъ, тому же народу. Сберегательныя кассы Самарской губерніи имѣютъ такихъ свободныхъ средствъ около

Выражено желаніе, чтобы подобныя съезды носили не случайный характеръ, а собирались каждагодно.

СНЫ фараона.

1.

Приснился царю удивительный сонъ.
Дрожь и отъ страха блѣднѣя,
Прислужникамъ молвить въ смятении онъ:
— Зовите жрецовъ мнѣ скорѣ!
Приходятъ жрецы. Собрался ихъ синклитъ,
И царь о видѣннѣ своемъ говоритъ:

2.

«Я видѣлъ рѣку: изъ ея глубины
Семь тучныхъ коровъ появились...
А слѣдомъ за ними, изъ той же волны
Семь тощихъ немедля открылись.
И тощія тучныхъ пожрали... Межъ тѣмъ
Не сдѣлались сами тучнѣ совсѣмъ!

3.

«И видѣлъ я поле: на стеблѣ одномъ
Семь полныхъ колосевъ созрѣли;
За ними созрѣли семь скудныхъ потомъ—
И скудные полныхъ поѣли,
Но сами не стали полнѣй оттого...
Что-жъ будетъ мнѣ въ жизни отъ сна моего?»

4.

Жрецамъ не понятно... Тутъ стражникъ одинъ
Осмѣлился выйти съ совѣтомъ:
«Я знаю,—сказалъ онъ,—о, царь-господинъ,
Того, кто разсудитъ объ этомъ!
То юноша нѣкій... Въ тюрьмѣ онъ сидитъ
Но разума дивною силой блестятъ...

5.

«Твоимъ повелѣнiемъ были туда
Повержены слугъ твоихъ двое.
И сны они видѣли тоже тогда.
Проснулись, объята тоскою.
И юношѣ каждый свой сонъ разсказалъ,
И юноша мудро имъ сны толковалъ:

6.

«Сказалъ виночерпiю:—Будешь служить
Опять при царѣ-господинѣ...
Сказалъ хлѣбодару:—придется сложить
Тебѣ твою голову нынѣ!
И мѣсяцъ не минулъ отъ срока того,
Какъ все совершилось по слову его!

7.

«Вели-жъ ты его поскорѣ позвать
Предъ царскія свѣтлыя очи:—
Быть-можетъ, удастся ему разгадать
Загадку томительной ночи!»
И юноша мудрый къ царю приведенъ,
И царь повторяетъ зловѣщій свой сонъ.

8.

И юноша молвилъ: «Въ предѣлѣ земномъ
Я нѣкое вижу начало:
Невзгоду и радость на корнѣ одномъ
Для жизни оно воспитало—
И людямъ великое счастье даритъ,
А слѣдомъ за счастьемъ несчастье сулитъ.

9.

«И счастье было какъ будто зерно,
Взростившее стебель несчастья...
И вотъ ужъ оно, словно прахъ, сметено,
Бушуетъ гроза и ненастье...
И солнечный блескъ и безоблачный день
Грозы породили тяжелую сѣнь.

Съездъ представителей кредитныхъ товариществъ въ Самарѣ. По фот. арт. «Нивы».

10.

«Гроза поглотила сіянье лучей
И солнышка блескъ золотого,
Но все же не стала яснѣй и свѣтлѣй,
Мрачнѣ лишь сдѣлалась снова...
Кручиною пожрано счастье—и все-жъ
Не сталъ ея обликъ на счастье похожъ!

11.

«Пророчество сердцемъ я чувствую въ томъ!
Ты сонъ свой увидѣлъ не даромъ...
Счастливые годы придуть... А потомъ
Зловѣщимъ и грознымъ ударомъ
Великое горе къ отчизнѣ придетъ
И голодь и нужды съ собой принесеть...

12.

«Въ годину удачи обильныхъ плодовъ
Родить твое царство не мало—
Сбери же ты ихъ, чтобы для черныхъ годовъ
Запаса на долго достало...
Такъ мудрый хозяинъ хозяйство ведетъ
И бодро встрѣчаетъ суровый онъ годъ...

13.

«Такъ бодрости пламя въ душѣ сохраняя,
Отважно въ несчастья годину
Мы встрѣтимъ напасти суроваго дня
И вынесемъ злую кручину:
Надежды и мужества полный запасъ
Тогда сохраняется въ сердцѣ у насъ.

14.

«Но горе тому, кто покоя дары
Растратитъ, кто въ лѣни позорной
Убьетъ свою душу для грозной поры

Кручины и горести черной!
Когда разразится страданія годъ—
Безильно, безславно въ борьбѣ онъ падеть!

15.

«И горе странѣ, если въ дни тишины
Народъ свой и царство родное
Оставишь средь полной дарами страны
Въ глухомъ и безмолвномъ покоѣ
И данную Богомъ обильную рожь
Заботливо въ житницу ты не сберешь!

16.

«Такъ клики же царскій свой кличъ по странѣ:
Придите безъ страха, безъ лести,
О, вѣрные дѣти, придите ко мнѣ
Трудиться для родины вмѣстѣ,
Чтобъ съ полнымъ запасомъ и бодрой душой
Намъ встрѣтить страданія день роковой!»

17.

И царь отвѣчалъ: «Изъ юдоли глухой
Услышалъ я доброе слово!
Дворецъ и палаты молчатъ предо мной—
То слово имъ чуждо и ново...
Но истины свѣтъ засіялъ изъ темницъ,
И сердцемъ предъ нимъ преклоняюсь я ницъ!

18.

«Коль выростетъ колосъ обильный добра,
Какъ сладкій пророчить твой голосъ—
Не сгубитъ его лихолѣтья пора—
Изсохшии страданія колосъ!
Запасъ урожайный мы вмѣстѣ сберемъ,
А рѣчи твои помяну я добромъ!»

Б. Никоновъ.

Плѣнные японцы и наши солдаты.

Появленіе за послѣдніе бои значительнаго количества плѣнныхъ японцевъ породило, конечно, цѣлый рядъ коллизій съ ними нашихъ солдатъ. Въ нихъ проявилась столь присущая нашему простолюдину незлобивость и, если хотите, даже рыцарское отношеніе къ побѣжденному врагу.

Нашего солдата очень трудно вывести изъ терпѣнія, и только въ пылу рукопашной схватки, доведенный до острейшаго послѣдняго коварствомъ и хитростью упорнаго врага, онъ дѣйствительно способенъ озвѣрѣть. Но разъ окончился бой, нашъ стратотерпецъ является опять тѣмъ добродушнымъ малымъ, какимъ онъ былъ во всѣ войны по отношенію къ неприятелю.

Иллюстрирую этотъ выводъ тѣми наблюденіями, которыя мнѣ удалось сдѣлать послѣ боевъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, на рѣкѣ Шахѣ.

Въ одной изъ послѣднихъ кавалерійскихъ стычекъ терско-кубанскій казакъ погнался за японскимъ драгуномъ, который взялъ далеко въ сторону отъ своихъ. Долго такъ скакали они. У драгуна была хорошая австраійская лошадь, но и у казака не хуже — кровный кабардинецъ. Наконецъ, послѣдній сталъ настигать японца, и тотъ, видя, что спасенія нѣтъ, спрыгнулъ съ коня, обнаживъ шашку. Кубанецъ легко могъ разрубить его, не слѣзая съ лошади, но ему захотѣлось честнаго поединка. Тогда онъ также соскочилъ со своего кабардинца и бросился на драгуна. Японецъ тогда бросилъ шашку. Увидѣвъ это, казакъ счелъ долгомъ бросить свою, дабы шансы борьбы были совсѣмъ равные, и только тогда оба сѣпились между собою. Скоро казакъ стрѣлъ драгуна подѣ себя, скрутилъ ему руки, связавъ ремнемъ и съ торжествомъ привелъ плѣнника на бивакъ, гдѣ и сдалъ по начальству.

На другой день является изъ штаба вѣстовой на бивакъ кубанецъ и вызываетъ казака, взявшаго въ плѣнъ драгуна.

— Тебя японецъ, что ты взялъ, спрашиваетъ, поздороваться съ тобой хочеть.

Пошелъ казакъ къ плѣнному. Тотъ, какъ только его увидѣлъ, такъ на шею ему бросился, началъ обнимать, цѣловать и черезъ переводчика просилъ передать кубанцу слѣдующее:

«Не знаю, какъ отблагодарить тебя за то, что ты пощадилъ меня и не отнял у меня жизнь. Въ нашей арміи много такихъ храбрыхъ, какъ ты, но такого рыцаря (самурайа) нѣтъ. Ты для меня теперь больше чѣмъ родной, и когда, Богъ дастъ, окончится война, я приѣду къ тебѣ посмотрѣть, какъ ты живешь, а потомъ возьму тебя въ Японию и отвезу въ мой домъ познакомить тебя съ моею семьею и показать ей русскаго рыцаря, который спасъ мнѣ жизнь».

Лежатъ въ госпиталѣ рядомъ на койкахъ раненый унтеръ-офицеръ Выборгскаго полка, громадный, широкоплечій дѣтина, и маленький японецъ, тоже унтеръ-офицеръ, тяжело раненый. Послѣдній живалъ во Владивостокѣ и хорошо говоритъ по-русски.

Японецъ все стонеть.

— Ну, чего стонешь? — съ досадою огрызается на него сосѣдь.
— Да какъ же мнѣ не стонать, вѣдь у меня четыре пули! — жалобно отзывается японецъ.

— А у меня шесть, а я и не крикну, — сурово обрываетъ его унтеръ.
— У насъ плѣнными русскимъ очень хорошо, а ты вотъ на меня кричишь.

— Потому что вы, собаки, прирѣзываете нашихъ раненыхъ, мало кого въ плѣнъ берете, такъ какъ же на тебя, идола этакого, не кричать!

Японецъ, видимо окончательно подавленный, умоляетъ и перестаетъ даже стонать.

Нѣсколько минутъ царитъ молчаніе, и нашъ унтеръ все косится и пытливо взглядываетъ на сосѣда.

Тотъ продолжаетъ молча лежать и только, время отъ времени, тяжело вздыхаетъ.

Унтеръ дѣлаетъ усиліе приподняться, и долго ему это не удается, такъ какъ грудь и рука прорѣзаны. Наконецъ, кое-какъ приподнимается и здоровой рукой начинаетъ шарить у себя подъ подушкой, вытягиваетъ оттуда три папироски и передаетъ ихъ японцу, приговаривая:

— Ну, нечего нони разводить, на-ко покури, авось полегчаетъ.

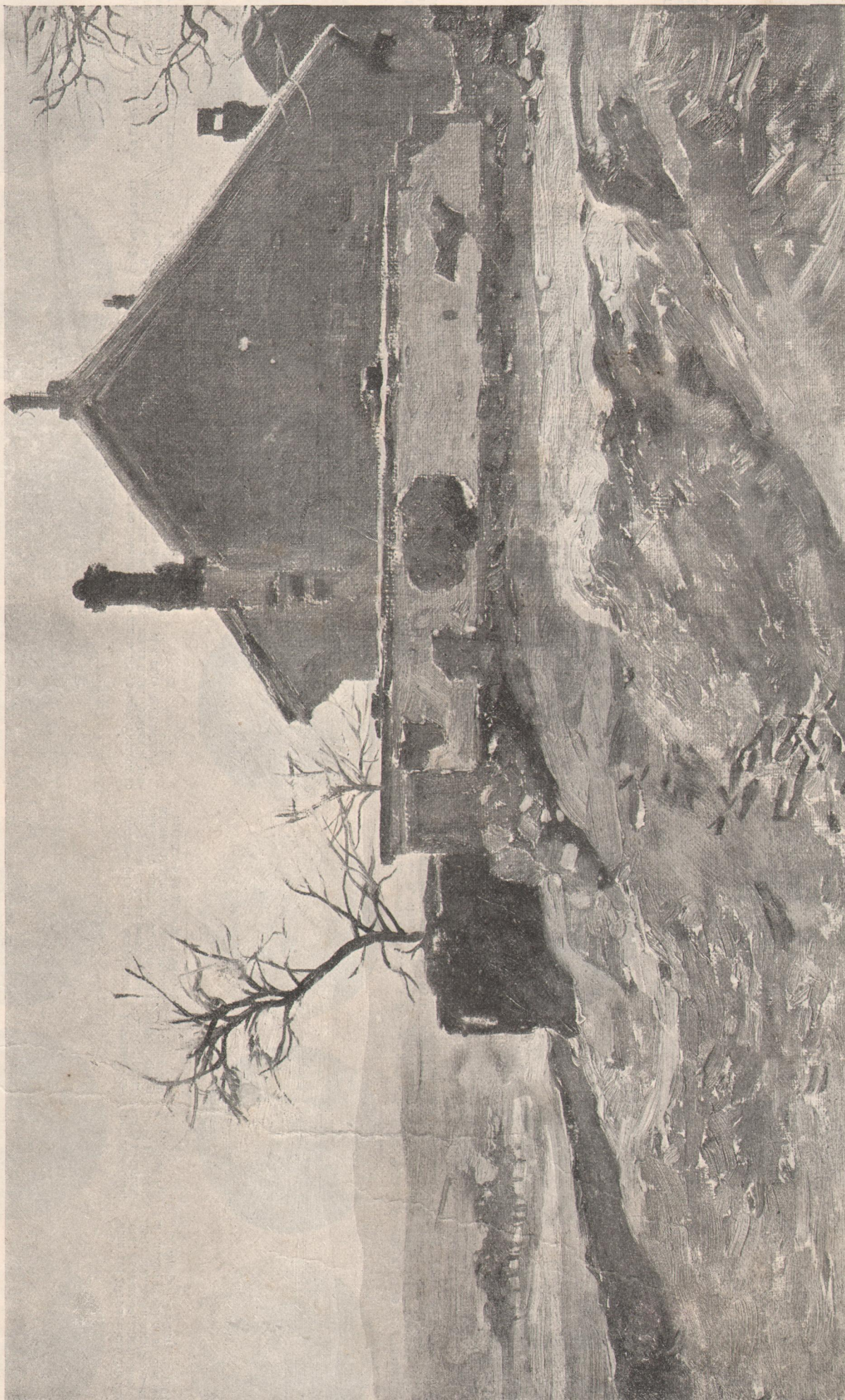
Японецъ радостно улыбается, потряхивая руками, сложенными ладонями вмѣстѣ, и принимаетъ признательно великодушный даръ ворчливаго богатыря.

Взяли въ восточномъ отрядѣ въ плѣнъ нѣсколькихъ японцевъ. Первое, что они попросили — ѣсть. Приказано было накормить ихъ до отвала.

Дежурный офицеръ, желая удостовѣриться, ѣдятъ ли японцы, подошелъ къ бумажному окну фанзы и сквозь отверстіе увидѣлъ слѣдующую картину. Японцы съ блаженными физиономіями упивались жирный супъ и что-то радостно гоготали.

Всмотрѣвшись въ полумракѣ, дежурный повялъ и причину веселаго настроенія плѣнниковъ. Передъ ними стоялъ нашъ часовой-сибирякъ и занималъ гостей, показывая имъ ружейные приемы.

Привели въ одинъ изъ нашихъ отрядовъ плѣннаго японца, котораго приняли сначала за перебѣжчика, такъ какъ онъ спокойно

Хуаньшань. Видъ изъ кумирни на позиціи японцевъ. Акварель академика Н. С. Самокиша, авг. «Ильвы».

Начальник штаба 72-ой пех. дивизии полковник М. В. Гуденков; умереть от рань, полученных под Мудяномь 18-го февраля.

Командирь 2-го стрѣлк. полка, полковникъ О. А. Фоминъ - Геннинъ, раненый при Сандену.

Подполковникъ 55-го подольскаго пех. полка Ф. В. Натурский, скончался отъ рань, полученныхъ въ бою подъ Сахелу 15-16-го января 1905 г.

Капитанъ 145-го новочеркаскаго пех. полка С. И. Горюшкин, убитый подъ Мудяномь.

Капитанъ 6-го сиб. енисейскаго пех. полка А. Ф. Валуевъ, раненый 20-го августа въ бою подъ Мудяномь; умереть отъ 11-беркулова легкихъ 6-го декабря 1904 г.

Капитанъ 19-го восточно-сибирскаго стрѣлк. полка И. А. Шульцъ; убитый при вѣтви Путиловской солки 5-го октября 1904 г.

Капитанъ 21-го вост.-сиб. стр. пех. полка С. К. Марковский, контуженный въ бою 18-го юда на Язвинскомъ перевалѣ и тяжело раненый въ бою подъ Мудяномь 17-го августа 1904 г.

Штабъ-капитанъ Новокі; еще-новъ, убитъ подъ Мудяномь во время топорфическихъ съѣмъ.

Старшій адъютантъ штаба 5-ой стрѣлк. бригады штабъ-капитанъ Ржевскій, раненый при вѣтви деревни Чжантонь 20-го января 1905 г.

Штабъ-капитанъ А. Ф. Верещагинъ, 1-го вост.-сиб. стр. Его Велючества полка, раненый подъ Мудяномь 26-го августа.

Штабъ-капитанъ 11-го вост.-сиб. стр. бат. Е. А. Александровъ, убитый подъ Мудяномь.

Поручикъ 36-го вост.-сиб. стр. полка О. Ф. Поворозья, убитый 30-го октября при вѣтви Путиловской солки.

Поручикъ 5-й батареи 9-й артиллерійской бригады С. Г. Подлобенъ, раненый при рѣкѣ Шахъ, но остался въ строю.

Поруч. 11-го семипалатинскаго пех. полка А. К. Скородобовъ, контужен. и ранен. подъ Мудяномь; убитъ 3-го октября при ночн. атакѣ на Путиловской солки.

Полковой адъютантъ 137-го пех. жинскаго пех. полка поручикъ А. Е. Казановъ, раненый въ бою съ 28-го сентября по 5-е октября.

Поручикъ ахалыкскаго пехот. полка С. В. Нондратевъ, раненый при Сандену.

Поручикъ 3-ей артиллерійской бригады П. А. Александровъ, контуженный въ голову 25-го февраля подъ Мудяномь.

Подпоручикъ 3-го стрѣлк. пех. полка Г. К. Яхонтовъ, раненый при наступлении 2-ой армии на Сандену отъ 12-18 января.

Подпоручикъ вост.-сиб. стрѣлка. полка бат. А. П. Зиглеръ; тяжело раненъ и скончался 20-го февраля с. г.

Подпоручикъ 145-го новочеркаскаго пех. полка В. Ф. Михайловъ; убитъ подъ Мудяномь.

Подпоручикъ 7-го сиб. стр. пех. полка П. М. Голубовъ; убитый при Сандену.

Подпоручикъ 2-го чинискаго стр. полка А. Ф. Ермиловъ; убитый 10-го декабря 1904 г.

Подпоручикъ 220-го енисейскаго пех. полка В. А. Саранговъ, раненый въ бою у Шахъ 11-го октября 1904 г.

Подпоручикъ 34-го вост.-сиб. стр. полка А. Е. Качуревъ, убитый 29-го сентября.

Прапорщикъ 218-го пех. болдосибирскаго полка Л. Ф. Голыркинъ, убитый во время разбѣжки окоповъ, въ ночь съ 9-го на 10-е января.

Старшій унтер-офицеръ изъ волынополскаго полка Л. А. Ивановъ, награжденный орд. св. Георгія 4-й ст. подъ Мудяномь, и контуж. подъ Мудяномь и при Сандену, произведенъ въ прапорщикъ.

Братъ милосердія Н. В. Таубе, составившій при отрядѣ ген. Г. Каландера, въ 6-ю-летнюю московск. отрядѣ Краснаго Креста, принимавъ въ Днѣ-дѣль-снѣ ранен. въ боюхъ 4-го и 11-го юда 1904 г. на Мязелинскомъ пер. и подвѣ. помодъ 400 раненыхъ.

Большоопырековскій 52-го пѣжиноскаго драгунскаго полка гравѣръ Н. И. Канкринъ; убитый подъ Мудяномь.

направлялся къ нашимъ окопамъ и былъ уже отъ нихъ шагахъ въ пятьдесятъ.

Когда къ нему выскочили наши стрѣлки, онъ страшно перепугался и схватился за тесакъ, чтобы защищаться, но его окружили, обезоружили и привели къ начальнику отряда.

Спрашиваютъ плѣннаго:

— Чего это ты драться вздумалъ?

— Я не хотѣлъ сдаваться въ плѣнъ,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же ты на нашу позицію пришелъ?

— Это по ошибкѣ.

— Какъ по ошибкѣ?! Почему же ты безъ ружья, если ты не перебѣжчикъ?

— Такъ вышло,—меланхолически отвѣтилъ японецъ.

Долго бились съ нимъ, пока узнали, въ чемъ дѣло. Оказалось, что онъ былъ въ заставѣ, поставленной на крутой сопкѣ. Ночью онъ, ворочаясь во снѣ, скатился внизъ съ обрыва и при паденіи такъ ударился головой, что безъ памяти пролежалъ нѣсколько часовъ. Придя въ себя, онъ отправился искать своихъ и, невѣрно взявъ направленіе, пришелъ къ намъ, такъ какъ нашъ и японскій отряды стояли очень близко другъ отъ друга.

Отвели невольнаго плѣнника на бивакъ и тамъ его тѣсною толпою окружили любопытные солдаты; черезъ нихъ энергически протискивается казакъ съ большою бородою и перевязанною рукою. Подошелъ онъ къ японцу, укоризненно покачалъ головою и произнесъ:

— И тебѣ, братъ, не стыдно? Мотри, какъ ты меня изувѣчилъ.

Японецъ, конечно, ничего не понимая, вопросительно похлопывалъ своими раскосыми вѣками.

Казакъ немного помолчалъ, видимо сорвавъ досаду на причинившемъ ему страданіе врагѣ, олицетвореніемъ котораго являлся плѣнный, и произнесъ:

— Ну, а теперь помиримся, давай-ка, братъ, поцѣлуемся,—и совершенно ошалѣвшій плѣнникъ попалъ въ его могучія объятія.

— На, сердешный, покури,—и казакъ сталъ угощать новаго друга папиросами.

Зашли какъ-то мы къ другому плѣнному японцу, впавшему, по видимому, въ отчаяніе отъ неожиданной неволи. Противъ него стоялъ часовой; онъ обратился ко мнѣ густымъ басомъ.

— Вашбродъ, а епону можно дать покурить, а то ему совсѣмъ плохо и фѣтъ ничего не фѣтъ.

Дѣйствительно, передъ японцемъ стоялъ нетронутый обѣдъ.

— Епонъ, а епонъ, хочешь покурить?—спросилъ его съ ласковыми нотами въ голосѣ стрѣлокъ.

Плѣнный, конечно, ничего не понялъ.

Дозоръ охраняетъ приваль охотниковъ во время движенія вблизи непріятеля. По фот. авт. «Нивы».

Выстрѣлъ по группѣ непріятельскихъ начальствующихъ лицъ, въхвавшихъ на рекогносцировку. По фот. авт. «Нивы».

Тогда стрѣлокъ пояснилъ ему знакомъ. Японецъ кивнулъ головою, на лицѣ его появилось подобіе улыбки, и онъ жадно затыкнулся папироской.

— Для ихъ, вашбродъ, первое дѣло курево, безъ его оны помереть могутъ,—пояснилъ мнѣ стрѣлокъ, какъ бы извиняясь за свою снисходительность къ плѣнному.

Въ ночномъ бою 3-го октября на рѣкѣ Шахъ, когда разсвѣло, нашъ лежавшій на склонѣ сопки съ перебитыми ногами стрѣлокъ увидѣлъ также лежащаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, очевидно тоже раненаго, японца. Тотъ замѣтилъ, что нашъ пошевелился и сталъ приподниматься на рукахъ; стрѣлокъ въ свою очередь сталъ приподниматься, и оба стали на четвереньки другъ противъ друга. Каждый думалъ, что другой его пристрѣлитъ.

Долго такъ находились они vis-à-vis въ выжидательномъ положеніи, пока стрѣлокъ нашъ не нашелъ изъ него выхода. Онъ приподнял свое ружье, показалъ на него японцу и отрицательно замахалъ головою. Японецъ продѣлалъ то же самое со своимъ. Тогда оба спокойно уже поползли навстрѣчу и, пожавъ другъ другу руки, стали показывать свои раны.

Пришедшіе съ носилками санитары застали такую картину:

Японецъ старательно перевязывалъ раны стрѣлку, а тотъ похлопывалъ его по спинѣ—приговаривая:

— Шибко шанго, ходя, япошка!

Мукденъ.
14-го октября.

Ю. Елецъ.

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Мукденскій бой.

IV. Въ горахъ.

Второй переходъ былъ гораздо легче перваго. Прошли всего 25 верстъ. Но это не мѣшало объ отдыхѣ мечтать, какъ о великомъ блаженствѣ.

Полковникъ Лешъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока самолично не убѣдился, что полкъ хорошо устроился, что каждый солдатъ нашелъ себѣ теплый уголь. Затѣмъ, приказавъ разставить караулы, онъ вернулся въ фанзу.

Когда мы напились чаю и легли на хорошо нагрѣтые каны, было уже 2 часа ночи.

Къ несчастью, вѣстовые поусердствовали относительно топки, и каны ночью до того накалились, что пришлось подкладывать подъ

Какъ китайцы хоронятъ мертвыхъ.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

себя солому и полубубки. Впрочемъ, бываетъ хуже,—иногда при усиленной топкѣ цыновка, которая обыкновенно разстилается на кант, а съ нею и постель—начинаютъ тлѣть.

Ночью пришло приказаніе выступить въ 7 часовъ утра. Въ 6½ часовъ мы уже были на ногахъ, наскоро напился чаю съ китайскими печеньями, которыми насъ угостилъ хозяинъ дома. Утромъ онъ былъ совсѣмъ не въ томъ удрученномъ настроеніи, какъ накануне вечеромъ. На его бритомъ лицѣ разливалось выраженіе безконечнаго удовольствія по причинѣ нашего отъѣзда. Онъ по нѣскольку разъ спрашивалъ у меня, у адъютанта и у полковника, будемъ ли мы ночевать у него слѣдующую ночь, и когда получалъ отрицательный отвѣтъ, то кланялся, говорилъ «хау, хау», помогая выносить наши вещи и на прощанье подарилъ мнѣ пару женскихъ башмаковъ (на которые я мимоходомъ заглянулся), для моей «бабушки».

Третій переходъ былъ дѣликомъ горнымъ. Прекрасно разработанная нашими саперами дорога извижается петлями, но все-таки попадаются подъемы до 45°. Глядя на такую крутизну, не вѣрится, чтобы артиллерія могла на нее подняться, но вотъ под-

Новый годъ у китайцевъ. Процессія съ бумажнымъ дракономъ.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

ходить батарея, стрѣлковъ зовутъ на подмогу, и орудіе за орудіемъ вползаютъ на крутизну.

Многовѣковымъ покоемъ вѣетъ отъ этой громады горъ, которымъ, кажется, нѣтъ конца. Смотришь въ бинокль, и гряда за

Новый годъ у китайцевъ. Ряженые.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

грядою, десятки, сотни сопки загораживаютъ одна другую и уходятъ въ даль, блѣдныя и скрываясь за синеватою тумана.

Въ глубокихъ ущельяхъ и долинахъ, изрѣзанныхъ бороздами пашень, видѣются, какъ начерченные на планѣ, деревни съ каменными заборами. По склонамъ горъ тѣ же борозды гаоляновыхъ, чумизныхъ и бобовыхъ полей. Даже на большихъ высотахъ, тамъ, гдѣ на склонѣ сопки нашлась площадка, удобная для воздѣлыванія, китаецъ взрываетъ свои полевые грядки.

Когда, въ разговорѣ съ китайцами, наши указываютъ на проведенныя нами прекрасныя дороги, которыми, разумѣется, пользуются и сами китайцы, они отвѣчаютъ:

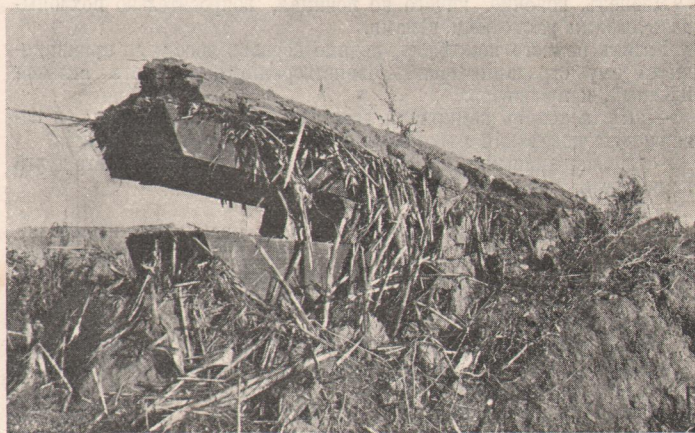
— Мы вамъ очень благодарны, но если послѣ войны вы ихъ намъ отдадите, то мы опять перекопаемъ ихъ въ поля..

Вообще, всѣ благодѣянія, которыми иноземцы наперерывъ стараются облагодѣтельствовать китайцевъ, являются для нихъ чѣмъ-то въ родѣ Демьяновой ухи.

Когда японцы, занимая китайскую деревню, требуютъ соломы или гаоляна, то китайцы, весьма естественно, заводятъ разговоръ о платѣ.

— Какой вы глупый народъ,—говорятъ японцы.—Какъ вамъ не стыдно требовать отъ насъ деньги! Вы давайте намъ продукты даромъ, а мы вамъ возвратимъ Манчжурію.

— Нѣтъ,—отвѣчаютъ китайцы,—лучше вы возьмите себѣ Манчжурію, а намъ заплатите деньги за гаолянь...

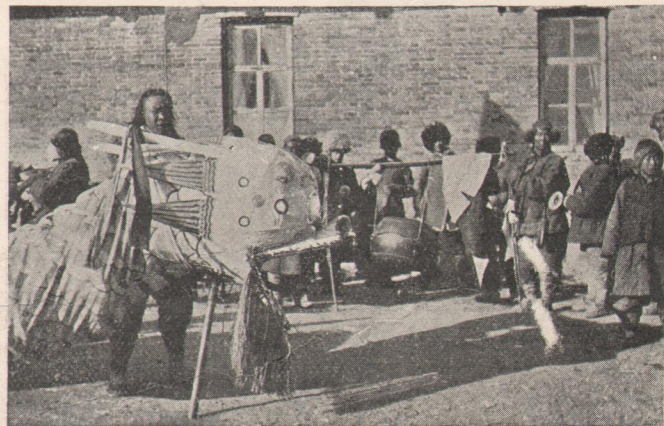

Какъ китайцы хоронятъ мертвыхъ.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

У всякаго свой расчетъ, а китаецъ дороже всего цѣнитъ свою личную выгоду. Къ дѣламъ же государственнымъ онъ, какъ существо лишенное чувства патриотизма, относится совершенно безразлично и едва ли ошибается въ расчетѣ, отдавая за пучокъ соломы свою національную независимость, которая повидимому и такъ для него потеряна.

По одному направленію съ нашей колонной дорогой проходила другая, то приближаясь, то отдаляясь отъ насъ. Тамъ растянулись колонны 9-й дивизіи.

Новый годъ у китайцевъ. Процессія съ бумажнымъ дракономъ.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Дорога петлями страшно удлиняла путь. Мѣстами, гдѣ склоны были не особенно круты, а долины не особенно глубоки, пѣхота проходила напрямикъ.

Погода была ясная, солнечная, съ легкимъ морозцемъ. Я шелъ пѣшкомъ и тоже спустился по склону, чтобы сократить путь. Въ сторонѣ видѣлась богатая деревня съ красивой кумирней на краю оврага. Желая приблизиться къ кумирнѣ, я пошелъ по краю оврага, но по дорогѣ былъ остановленъ страннымъ предметомъ, лежавшимъ на землѣ. Изъ-подъ закрывавшей его цыновки видѣ-

А. И. Гучковъ, уполномоченный Особого Комитета Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны на театр военных дѣйствій, оставшійся вмѣстѣ съ 1.500 тяжело ранеными въ Мукденѣ при занятіи его японцами и вернувшійся затѣмъ на наши позиціи.

къ мясу китайскихъ свиней, имѣютъ на то полное основаніе... Живя въ Падьянтаѣ и выйдя какъ-то за деревню, я замѣтилъ

лись маленькія ножки. Я приподнял цыновку и увидѣлъ трупъ 3-хъ или 4-хъ лѣтняго ребенка, совершенно голаго... Знакомая картина... Въ Фушунѣ я видѣлъ однажды, какъ свиньи ѣли трупъ младенца. Проходившіе мимо китайцы не обращали на это никакого вниманія. Въ концѣ-концовъ наши солдаты отогнали свиней и обезображенные останки трупа зарыли въ землю.

Китайцы не хоронятъ въ землю дѣтей моложе 10-лѣтняго возраста, а безъ лишнихъ хлопотъ выносятъ тѣло за деревню, не заботясь объ его участи... Такимъ образомъ русскіе, относящіеся безразлично

Ляохейскій отрядъ. Стрѣльба изъ окопа. По фот. авт. «Нивы».

Въ Манчжуріи повсемѣстно можно видѣть оставленные на поверхности земли гробы изъ толстыхъ трехдюймовыхъ досокъ, иногда обмотанные галяномъ. Такъ поступаютъ съ умершими пришельцами изъ другихъ провинцій. По вѣрованію китайцевъ, каждый умершій долженъ быть зарытъ въ землѣ своей родины. Если кончина застигаетъ его вдали отъ дома и семьи, то тѣ, которымъ пришлось его хоронить, выставляютъ гробъ съ его тѣломъ гдѣ-нибудь въ открытомъ полѣ, чтобы родственники могли въ свое время перевезти и похоронить его на родинѣ.

Однако, по рассказамъ самихъ китайцевъ, этотъ обычай исполняется только по традиціи и не имѣетъ практическаго примѣненія. Такихъ заботливыхъ родственниковъ, которые стали бы возиться съ прахомъ близкаго человека, теперь что-то не встрѣчается.

Больные и раненые въ Вятскомъ лазаретѣ Краснаго Креста въ Срѣтенскѣ (Забайкальской области). По фот. авт. «Нивы».

группу китайцевъ, несшихъ какой-то ящикъ. Дойдя до жиденькой рожицы, они бросили свою ношу на землю и удалились. Я подошелъ поближе и увидѣлъ ящикъ изъ тонкихъ досокъ, — который отъ паденія разсыпался. Въ немъ лежалъ покойникъ-мальчикъ лѣтъ 12-ти. Придя въ деревню, я сказалъ объ этомъ полковому врачу, и онъ послалъ людей зарыть тѣло.

Командиръ, офицеры и команда миноносца „Статный“, прорвавшего блокаду и доставившаго въ Чифу 20-го декабря 1904 г., за два дня до сдачи Портъ-Артура, всѣ знамена портъ-артурскаго гарнизона и секретныя бумаги. По фот. авт. «Нивы».

Сидят: I рядъ снизу—поручикъ Григорьевъ (раненъ), поручикъ Ванкевичъ (раненъ), подпор. Долматкинъ, капитанъ Балицкий (раненъ). II рядъ—подпор. Бео, капит. Якута (раненъ), подпор. Обыденный. Стоят: I рядъ—штабс-капит. Венгриновичъ (раненъ), поручикъ Ремертъ (раненъ), капитанъ Кайровичъ (раненъ), подполков. Ельцовъ (раненъ), коман. полка Розеншильдъ фонъ Паулинъ, капитанъ Веденевъ, докторъ, капит. Шаповской (раненъ), подпор. Хольмстремъ, подпор. Демидовичъ (раненъ). II рядъ—поручикъ Досифеевскій (раненъ), подпор. Михайловъ, капит. Антоновъ, поручикъ Голубовъ (убитъ), подпор. Померанскій, поручикъ Кунцевичъ (раненъ), капитанъ Богущій (раненъ), шт.-кап. Улановъ (раненъ), поручикъ кн. Аргутинскій-Долгоруковъ, капитанъ Григорьевъ (убитъ). III рядъ (у фонаря)—шт.-кап. Нетцель, д'юлер. Б'ляевъ, капельмейстеръ полка.

Группа офицеровъ 7 стрѣлковаго полка, участвовавшего въ послѣднихъ бояхъ у Мукдена (крайній правый флангъ). По фот. авт. «Нивы».

Укоренившееся въ Европѣ понятіе о культѣ предковъ въ Китаѣ, о чемъ много писалось и пишется теперь, при ближайшемъ знакомствѣ съ Китаемъ не находитъ подтвержденія.

Посѣщеніе могилъ, какъ это водится у насъ, — у нихъ не въ обычаѣ. На ихъ кладбищахъ я ни разу не видѣлъ ни одного китайца. Самыя могилы—не что иное, какъ заросшіе травой холмики, ничѣмъ рѣшительно не отмѣченные. Едва ли среди массы однообразныхъ холмиковъ сынъ въ состояніи найти могилу отца.

На императорскихъ могилахъ подъ Мукденомъ, гдѣ я былъ трижды, за исключеніемъ мѣстныхъ сторожей, я ни разу не видѣлъ ни одного китайца.

Въ чемъ же, однако, выражается ихъ культъ предковъ?

Въ бесѣдахъ съ образованными китайцами, знающими шестидесять тысячъ знаковъ, одолѣвшими въ восемнадцать книгъ китайской премудрости, а главное, говорящими порусски, я всѣми силами старался уяснить себѣ этотъ загадочный вопросъ.

Одному изъ нихъ я рассказывалъ о нашихъ памятникахъ на могилахъ, о цвѣтахъ, которыми ихъ украшаютъ, о нашей родительской субботѣ, когда мертвые посѣщаются живыми и вѣрующіе вѣрятъ, что связь между ними порвана еще не на вѣки...

Умный китаецъ съ жадностью слушалъ меня, а въ заключеніе покачалъ головою и сказалъ:

— Да, это хорошій сбъчай, но у насъ этого нѣтъ... у насъ мертвыхъ забываютъ...

Этотъ мой знакомый китаецъ, по имени Лютандзы, былъ человѣкомъ очень толковымъ и любознательнымъ.

Во всѣхъ вопросахъ, касающихся его загадочной родины, онъ всегда давалъ мнѣ полезныя разъясненія, но когда я заводилъ рѣчь на тему о культѣ предковъ, онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на меня, не понимая, что собственно мнѣ отъ него нужно.

— Но послушайте, Лютандзы, у васъ былъ дѣдушка?..

— Дѣдушка? Это отецъ моего отца?.. Конечно, былъ, только онъ давно умеръ.

— Онъ умеръ, но память о немъ у васъ, конечно, сохранилась, и вы ею свято дорожите?..

— Нѣтъ, я былъ тогда маленькой... Мнѣ было восемь лѣтъ, когда онъ умеръ.

— Но вашъ отецъ, который живъ, рассказывалъ вамъ о немъ, училъ васъ уважать его память?..

— Нѣтъ, онъ никогда о немъ ничего не говорилъ...

— Но вы все же знаете о подробностяхъ жизни вашего дѣда, о достоинствахъ его характера, вамъ дорого его имя?..

— Его имя... его имя... — промолвилъ задумчиво Лютандзы... — Но я не знаю, какъ его звали...

В. Табуринь.

Наши драгоманъ японскаго, китайскаго и корейскаго языковъ въ штабахъ дѣйствующей арміи. По фот. авт. «Нивы».

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ на БОЛЬШОЙ ВСЕМІРНЫЙ НАСТОЛЬНЫЙ АТЛАСЪ МАРКСА

сообщаемъ, что выпуски 11—12 Атласа (въ одной обложкѣ), содержащіе остальные семь картъ, а также алфавитный указатель на 34 листахъ, предисловіе къ Атласу, оглавленіе и заглавный листъ—нами разсылаются на этой недѣлѣ.

Тѣхъ изъ гг. подписчиковъ на Атласъ, которымъ выпускъ 11—12 почему-либо не будетъ доставленъ почтою черезъ десять дней по полученіи ими настоящаго 16 № „Нивы“, просимъ насъ немедленно о томъ увѣдомить для наведенія надлежащей справки въ почтамтѣ.

Содержаніе.

Г Е К С Т Ъ: Навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Окончаніе). — Островъ Сахалинъ. — Съѣздъ представителей кредитныхъ товариществъ въ г. Самарѣ. — Сны фараона. Стих. Б. Никонова. — Пѣлнныя японцы и наши солдаты. — На войнѣ. (Отъ нашего спеціального корреспондента). — Заявленіе. — Объявленіе.

Р И С У Н К И: Домой съ подарками. — Подвижныи. — Тяжелый хлѣбъ (Народная учительница). — Сентябрьскій снѣгъ. — О. Сахалинъ. 1) Шестая ссыльно-каторжная дружина съ ея начальникомъ, штабс-капитаномъ В. Н. Шабанинымъ. 2) Постъ Александровскій. Группы начальствующихъ лицъ острова и гостей на праздникъ Александровскаго батальона. 3) Александровскій постъ. Базарная площадь. 4) Приходъ зимней почты. 5) Проводы матросовъ „Новика“ съ пристани поста Александровскаго. — Гроза Сахалина—палачъ Комелевъ въ отставкѣ на рыбной ловль. — О. Сахалинъ. Юрта гилъка. — Съѣздъ представителей кредитныхъ товариществъ въ Самарѣ. — Хуаньшань. — Полковникъ М. В. Гулевичъ. — Полковникъ О. А. фонъ-Геннингъ. — Подполковникъ Ф. В. Нагурскій. — Капитанъ С. И. Горянский. — Капитанъ А. Ф. Баумертъ. — Капитанъ И. А. Шульцъ. — Капитанъ С. К. Марковский. — Штабс-капитанъ Новокрещеновъ. — Штабс-капитанъ Ржевскій. — Штабс-капитанъ А. Ф. Берещанинъ. — Штабс-капитанъ Е. А. Александровъ. — Поручикъ О. Ф. Поворзакъ. — Поручикъ С. Г. Положенцевъ. — Поручикъ А. К. Скородѣвъ. — Поручикъ А. Е. Козьяновъ. — Поручикъ С. В. Кондратьевъ. — Поручикъ П. А. Алексѣевъ. — Подпоручикъ Г. К. Яхонтовъ. — Подпоручикъ А. П. Эйлеръ. — Подпоручикъ В. Ф. Михайловъ. — Подпоручикъ П. М. Голубевъ. — Подпоручикъ А. Ф. Ерлыковъ. — Подпоручикъ В. А. Серверогъ. — Подпоручикъ А. Е. Кочуевъ. — Прапорщикъ Л. Ф. Гольдринъ. — Старшій унтеръ-офицеръ Л. А. Ирновъ. — Братъ милосердія Н. В. Таубе. — Вольноопредѣляющійся графъ К. И. Канкринъ. — Выстрѣлъ по группѣ непріятельскихъ начальствующихъ лицъ, въ хавшкѣ на рекогносцировку.—Дозор охраняетъ охотниковъ во время движенія вблизи непріятеля.—Какъ китайцы хоронятъ мертвыхъ (2 рис.). — Новый годъ у китайцевъ. Процессія съ бумажнымъ дракономъ (2 рис.). — Раненые.—А. И. Гучковъ.—Ляхейскій отрядъ.—Больные и раненые въ вятскомъ лазаретѣ Краснаго Креста въ Срѣтенскѣ (Забайкальской области). — Командиръ, офицеры и команда миноносца „Статный“. — Группы офицеровъ 7-го стрѣлковаго полка. — Наши драгоманъ японскаго, китайскаго и корейскаго языковъ въ штабахъ дѣйствующей арміи.

Нѣ этому М. Е. прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга 4.

За издателя Л. Ф. Марксъ.

За редактора В. Я. Свѣтловъ.